

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

ЛИДИЯ МИЛЕНИНА

РЕКТОР
МОЕГО СЕРДЦА

Лидия Миленина
Ректор моего сердца
Серия «Волшебная академия (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51369112

Ректор моего сердца: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-120874-5

Аннотация

В Академии высшей и прикладной магии наступил скорбный день – скончалась верная помощница ректора, занимавшая должность Великой. И теперь, чтобы владеть всеми стихиями, главе академии нужна новая напарница, которая разделит с ним не только власть, но и постель.

Молодая преподавательница Илона Гварди получает приглашение на конкурсный отбор, но всеми силами пытается этого избежать. Мало того что она терпеть не может ректора, на отборе может раскрыться тайна ее происхождения, и тогда беды не миновать...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	49
Глава 7	57
Глава 8	64
Глава 9	70
Глава 10	79
Глава 11	86
Глава 12	92
Глава 13	101
Глава 14	109
Глава 15	118
Глава 16	125
Глава 17	132
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Лидия Миленина

Ректор моего сердца

Иллюстрация на обложке – *Ирина Круглова*

© Миленина Л., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Астер

Невыносимая тревога заливает сердце. Мама обнимает меня, в ее зеленых глазах тоже стоит страх.

– Астер, милая! – она прижимает мою голову к груди, я начинаю неудержимо плакать. – Будь здесь, хорошо?! С Варвитой, – она указывает на няню.

В лице пожилой женщины тоже застыл ужас.

– Мамочка, не уходи! – кричу я сквозь слезы, обнимаю ее за шею, прижимаюсь изо всех сил. Пятилетняя девочка не понимает, что бывают моменты, когда женщины должны сражаться наравне с мужчинами. Мама не должна, не может уйти туда, на стену, где с поднятыми руками стоит мой отец. Где волна огня затапливает ров, подбирается к крепости.

Мама должна быть здесь, со мной.

Но она мягко отводит мои руки.

– Я нужна твоему отцу там... – говорит она. – Им не справиться без меня!

Она поднимает меня на руки и передает Варвите.

– Если мы с папой не вернемся, Таунсен позаботится о тебе. Варвита, – в мамином лице появляется властность, –

не пускайте сюда больше никого.

Она снова смотрит на меня мягко, но с горечью

– До свидания, моя маленькая, – целует меня в щеку, в макушку. Я плачу и, как в тумане, вижу, что и ее лицо залито слезами.

Я вырываюсь, чтобы повиснуть на матери, но Варвита держит крепко. Няня всегда это умела. Сейчас она кажется врагом, отрывающим от матери.

Словно во сне, я вижу, как мама – высокая, стройная, в длинном прямом платье – идет к двери. Каштановые волосы лежат на плечах, ниспадают до пояса. Даже сейчас я думаю, какая же она у меня красивая...

Мама приоткрывает дверь.

– Прощай, Астер... жизнь моя, – очень тихо, словно не хочет, чтобы я услышала, говорит она и смотрит на меня полным боли взглядом.

Но я слышу и плачу сильнее.

Дверь закрывается, и мое детское сердце понимает, что вся прежняя жизнь, мои счастье и радость навсегда отрезаны от меня. Впереди что-то страшное. Страшнее любых сказок.

* * *

Два часа няня читала мне сказки, гладила по голове, успокаивала. Но я вырывалась, подбегала к окну, залезала на стул и пыталась разглядеть на крепостной стене две фигурки. Ка-

залось, если смотреть старательнее, я обязательно увижу его черноволосую голову и красный плащ, ее зеленое платье и воздетые вверх тонкие руки.

Но из западного крыла было видно лишь наступающий огонь и дымное марево над полем, черные смерчи и огромные синие волны, встающие на месте пламени. А слышала я лишь отдаленные удары, словно кто-то колотил о стену бревном, и звуки взрывов. В такие мгновения все внутри меня сжималось, я опять плакала.

А потом вдруг все стихло, словно кто-то опустил занавес. Няня испуганно подняла глаза.

В коридоре раздался топот, в дверь постучали. Варвита приложила палец к губам, сделала круглые умоляющие глаза – помолчи, девочка, – и подошла к двери.

Я застыла на стуле.

– Это я, Таунсен, – послышался из-за двери усталый голос одного из приближенных отца. – Варвита, открой!

Няня открыла. Он стоял на пороге в порванной одежде, с ожогом на щеке, опираясь на длинный старинный меч. Такие я видела лишь в антикварной оружейной отца. Ими давно никто не пользуется. Но говорят, меч помогает направлять магию.

– Они все погибли, – глядя в глаза Варвите, сказал Таунсен. Как будто рядом не было меня или он думал, я не пойму, что это значит. Но я поняла.

Варвита пискнула и зажала рот рукой.

– Мои папа с мамой... умерли? – шепчу я.

– Они... улетели на небо, – он обреченно посмотрел на меня. Несколько мгновений я не могла поверить. Хотела разразиться плачем, но слезы застряли в груди.

Таунсен решительно подошел и взял меня на руки. Я не сопротивлялась.

– Нужно уходить, – коротко бросил он Варвите. – Я позабочусь о девочке. Прости, Астер, отныне ты не сможешь быть дочкой своих родителей. Будешь говорить, что ты дочь служанки. Илона, допустим... Гварди. Поняла? – он чуть отстранил меня и заглянул в лицо. Я кивнула. Я понимала. Не все и не до конца. Но понимала, что мамы с папой больше нет, а я не должна зваться той, кто я есть. – Твои родители ушли не для того, чтобы ты разделила их участь. Нужно спешить. Скоро эта шваль будет здесь.

Я держалась за шею Таунсена, когда он нес меня вниз по лестнице, потом бесконечными подземными переходами. Не плакала. Слишком глубоко я была ранена, слишком больно и страшно мне было.

Иногда Таунсен творил магию, чтобы запутать следы, если враги найдут путь в подземелье. Они нашли. Когда сзади слышались крики, Таунсен бросился бегом, прижимая к плечу мою голову, чтобы случайно не ударить о стену в темноте. Засветить магический огонь не отваживался, видимо, боялся, что так нас найдут.

Впрочем, нас все равно обнаружили. Крики приближа-

лись.

– Вот сюда! – Таунсен поднял меня выше, чтобы я зацепилась руками за края круглого отверстия в потолке. Сквозь него лился лунный свет. – Вылезешь – и беги прямо в лес! Я за тобой. Только поговорю тут с нехорошими ребятами.

– Нет, Таунсен! Пойдем вместе! – шепчу я.

– Вылезай и беги в лес! Шевели своими короткими ножками! – гневно прошептал он и вытолкнул меня в отверстие. – Поняла?! Беги, а то ремня получишь! – услышала я снизу. Вслед за этим донеслось доброе и усталое: – Сейчас приду, уже скоро... Беги, дитя, главное – беги!

Я не испугалась ремня. Что-то другое. Наверное, мой детский разум понимал, что все эти люди – мои родители и другие, кто погиб сегодня на стене, – умерли не для того, чтобы меня схватили.

Пятилетняя девочка поднялась на ноги, пару мгновений смотрела на дыру в земле. А потом припустила со всех ног к темным деревьям.

Пару раз я споткнулась и упала, но тут же поднялась и побежала дальше. Когда почти добежала, совсем запыхалась, в боку кололо. Я остановилась и попробовала отдышаться. Бросила взгляд назад.

Оттуда, где был выход из подземелья, вырывался столб алого пламени.

«Вот и все!» – пронеслась в голосе странная мысль.

«Нет, не все! – внутри меня словно родился другой голос

– взрослее, умнее, увереннее моего, и куда более упрямый. – Пока ты, Астер, жива, не все. Просто беги!»

Я выдохнула и припустила в лесную чащу, про которую мне рассказывали страшные сказки. Знала, что Таунсен не придет за мной, он тоже погиб. Знала, что никто не поможет. Но я должна бежать, пока есть силы. И когда их не останется – тоже.

Я последняя. А последние не имеют права умирать.

Глава 1

Илона

Пока студентки записывали результаты лабораторной работы, я любовалась рукотворным водопадом на стене. Перламутровые, играющие в дневном свете струи лились в специальный поднос, от которого вдоль стены тянулся желобок и приводил к бассейну в дальнем конце зала.

У нас, водников, всегда так – везде вода. В каждой аудитории, в каждой комнате. Например, вот этот водопад вместо классной доски. Преображая его форму, я показываю адептам магические формулы и картины из истории водной магии. А в бассейне мы держим элементарей.

Кстати! Элементали!

Я посмотрела на часы. Пора заканчивать.

– Так! Кто не успел, сдадите отчет в начале следующего занятия, – сказала я, вставая. – А сейчас собираемся. И не забываем, – я улыбнулась коварной улыбкой, показывающей студентам, что я настойчиво рекомендую выполнить сказанное, иначе последствий не избежать, – выпустить элементарей в бассейн.

«Если кто-нибудь утащит с собой, голову оторву!» – по-

думала я. Вернее, не допущу к зачету. Отрывать голову студентам, даже самым безалаберным, строго запрещалось. С таким повреждением не справятся даже на медицинском факультете. Придется идти к некромантам, весело подумала я. В шутку, конечно. Некроманты тоже не в силах вернуть умершему настоящую жизнь.

Студентки подходили к бассейну и опрокидывали в него колбы с элементами. В бассейне феи воды отращивали хвост и весело плескались, смешиваясь с мягкими струйками. Пока сидят в колбах, любят принимать образ кокетливых девушек в пышных бальных платьях, а в пространстве побольше превращаются в русалок из детских сказок. Впрочем, студентки уйдут, красоваться станет не перед кем, и феи отбросят всякую форму, смешаются с водными потоками – до тех пор, пока кто-нибудь не призовет их.

Вскоре почти все ушли, нас осталось трое – я и две девушки, которым плохо давалась магия водных существ. И тут водопад у меня за спиной настойчиво прозвонил.

«Что еще такое?» – подумала я с легкой тревогой. Классные доски любой природы – водной, огненной, воздушной и, конечно, земляной – были универсальным средством связи. А так настойчиво они звонили, лишь когда кто-то из руководства хотел передать важное сообщением всем преподавателям и студентам.

Опять какое-то бесполезное собрание, на которое мы должны прийти?

Водопад потемнел, и мы с девушками увидели в нем лицо Герата Ванирро – нашего ректора.

«Ах...» – слышались восторженные вздохи студенток. Ректор, статный мужчина среднего возраста (то есть около четырехсот – пятисот лет), считался красавцем. Он был мечтой каждой наивной адепки.

Я же, глядя на строгое лицо с крупными чертами, небритый подбородок («ах, какой мужественный у него подбородок!» – шептались девчонки) и густую шевелюру, не испытывала ничего, кроме тревоги и антипатии. Нас с ректором связывали не лучшие отношения. Если несколько неприятных встреч можно назвать отношениями.

Я подняла руку, призывая девушек замолчать. Раз на связи ректор, значит, произошло нечто из ряда вон выходящее. Я даже подозревала, что именно.

Знакомый каждому в академии низкий голос произнес:
– Уважаемые адепты и преподаватели! Сегодня скорбный день для академии, – лицо Герата, впрочем, не выражало особой скорби. Возможно, он был даже рад произошедшему, подумалось мне. – Только что от болезни, которой нет излечения ни магией, ни силами природы, – от старости, скончалась Касадра Ванми, моя бесценная помощница. Это невосполнимая утрата для нас, – губы ректора сложились в многозначительную тонкую улыбку. – Мы почтим ее память. – Я вздохнула – эти слова означали, что всем преподавателям и адептам академии вменяется в обязанность присутствовать

на погребении. – Послезавтра на церемонии прощания на площади Высшей Магии. Кроме того... – Мне показалось, что в глазах ректора блеснул огонек то ли радости, то ли ехидства. – Вскоре многие преподавательницы воздушного факультета и избранные преподавательницы водного получают приглашение на конкурсный отбор на должность Великой. Ведь академии нужна та, что станет моей напарницей и правой рукой.

«А также сексуальной партнершей и сожительницей», – подумала я. И выдохнула.

Меня все это не касается. Ректор не пришлет мне приглашения. Все встречи с ним доказывали, что я ему так же неприятна, как он – мне. Да и водных на отборе будет человека три-четыре. Чистая формальность. Огонь дополняется воздухом, и партнерша нашему огненному ректору нужна воздушная. Такая же магичка воздуха, какой была покойная Касадра.

Немудрено, что ректор радуется предстоящему конкурсу (или «отбору», как говорят в простонародье). После трехсот лет жизни со старухой он наверняка мечтает о молодой партнерше. Ведь в последние двести лет жизни даже магия не могла дать Касадре иллюзию юности и привлекательности. Когда-то красивая, в последние годы она выглядела настоящей старухой – седой, морщинистой. И с дурным характером.

Но тень сочувствия к Герату тут же испарилась из мое-

го сердца. Он сам выбрал этот путь. Три столетия назад, после смерти бывшего партнера Касадры ректора Гайборо, он добровольно пошел на конкурсный отбор. И не отказался от должности ректора, когда его партнерша состарилась.

Ходят слухи, впрочем, что он не брезговал проводить время с юными адептками, не говоря уж про молодых преподавательниц. Ведь союз глав академии не запрещает связи на стороне. Тем более что Касадра тоже не славилась верностью ни своему прежнему партнеру, ни Герату.

Лицо ректора поглотила темнота, снова побежали веселые струи, зазвучала траурная музыка.

– Ах... – шепот адепток заставил меня выплыть из размышлений. – Тарра Гварди, быть может, и вас пригласят на отбор!

– Меня не пригласят, – твердо ответила я. – Вы ведь понимаете, что водной волшебнице не место рядом с огненным ректором. Так! Отчет сдавать будете? – я посмотрела на часы. – И да, выражаю вам соболезнования по поводу смерти Великой.

– И мы вам! Тарра Гварди, можно мы сдадим в следующий раз? Мы потрясены новостью.

«Вернее, тем, что посмотрели на твердокаменную физиономию нашего ректора», – подумала я.

– Хорошо, до следующего раза.

Я подошла к двери.

Все хорошо. Новости такие, как я и ожидала, но на душе

почему-то было беспокойно. Казалось, опять настал переломный момент и судьба обязательно преподнесет мне сюрприз.

Я не ошиблась. Сюрприз застал меня тем же вечером. Я пришла в свою комнату в западном отроге. Академия высшей и прикладной магии располагалась внутри огромной скалистой горы, флигели называли не иначе как отрогами.

Усталость давала о себе знать. Целый день лекций и практических занятий, потом бесконечные разговоры с преподавателями, спорившими, как скоро ректор назначит конкурсный отбор. Запустила ручеек в ванной комнате, чтобы наполнить бассейн и посидеть в нем, набираясь сил от своей основной стихии. Конечно, как всем женщинам, воздух мне тоже немного подвластен. Но главная моя стихия, та, с которой я сроднилась, та, которую люблю взаимно, от всего сердца, – водная. В воде мне всегда становится легче.

И тут внимание привлёк конверт с печатью ректора, лежавший на столе. Ещё одно оповещение о кончине Касадры? Наверняка все их получили, уговаривала я себя, пока шла к столу.

Неуверенно взяла его в руки. Сердце громко забилося. Можно даже не открывать... На конверте крупными буквами было написано: «Приглашение на конкурсный отбор».

Я горько усмехнулась. Судьба нашла способ ударить меня в самое больное место! Ведь «приглашение» – только слово. На самом деле все не так просто. Это мужчины после смерти

ректора идут на конкурсный отбор по своей воле. Женщинам же вменяется в обязанность.

Усмехнулась. Для кого-то из водных это приглашение было бы как манна небесная. А мне оставалось лишь уповать, что это ошибка.

Открыв конверт, на сложенном листочке с красивыми огненными вензелями я прочитала:

Глубокоуважаемой Илоне Гварди, младшему преподавателю кафедры пресноводной магии водного факультета... Настоящим я, ректор Академии высшей и прикладной магии Герат Ванирро, приглашаю Вас принять участие в отборе...

И чуть ниже:

В срок с пятого дня от кончины Касадры Ванми Вам вменяется в обязанность принять участие в конкурсных испытаниях... (некоторое количество малозначительных красивых слов) и в случае победы занять должность Великой.

Я растерянно сложила листок и засунула обратно в конверт. Обреченно опустила на стул.

Зачем ему я на отборе?

Мало того что весь отбор лицезреть его вредную физиономию... Хуже другое. Мне просто нельзя участвовать в конкурсе. Происхождение конкурсанток будет тщательно проверяться. К тому же перед отбором все конкурсантки проходят ментальный контроль. А я не настолько сильный мен-

талист, чтобы скрыть глубины своей памяти от лучших специалистов.

Может, все-таки ошибка? Что же. Проверим. Попробуем. Нужно бороться, как я боролась все эти годы. Даже окончила академию, стала преподавателем, заняла свое место в обществе.

Я взяла самопишущее перо из стаканчика, листок бумаги и принялась писать.

*Ректору Академии... от... Прошение. Прошу
освободить меня от участия в конкурсном отборе
на должность Великой в связи с личными
обстоятельствами... (дата, подпись)*

Вложила в самый красивый конверт из тех, что хранились у меня в столе. Вдохнула – отдых откладывался – и отправилась по коридору в сторону приемной ректора. Опустить письмо в ящик возле нее, завтра его вскроют и передадут ректору среди других прошений. Остается надеяться, что он, не глядя, подмахнет заявление.

Глава 2

Заснуть я смогла только под утро. Все ворочалась, думала о том, зачем ректор прислал мне приглашение. Может быть, он вовсе не смотрел список молодых преподавательниц, просто кто-то из помощников отобрал тех, у кого были лучшие показатели?

А показатели у меня всегда были лучшие.

Мне всегда приходилось контролировать силу, приглушать ее. Покажу необычные способности – и у окружающих возникнут вопросы. Но успех у меня был: и публикации в лучших магических журналах, и награды за выступления на конференциях, первые и вторые места в ежегодных состязаниях по водной магии. Посмотрели индекс успеха и выбрали самых лучших, думала я.

Если так, то, получив мое прошение, ректор вспомнит, кто я такая, и разрешит не участвовать. Зачем ему в отборе девушка, которая неприятна?

Немного успокоившись, я попробовала заснуть. Но не тут-то было. Теперь в голову лезли воспоминания о встречах с Гератом и почему я каждый раз умудрялась вызвать его гнев.

Первый раз я увидела нашего ректора при поступлении в академию. Как на грех, в тот день он сам пришел на вступительные испытания, чтобы принять участие в экзамене. При-

шел ближе к концу рабочего дня, а я как раз была самой последней в списке претендентов.

Первыми на экзамен шли представители знатных родов, те, чье обучение будет оплачиваться родителями. Для таких вступительный экзамен – формальность. Безродные сироты, еще и претендующие на стипендию, стояли в списке последними, их вызывали, лишь если оставались свободные места.

Когда я предстала перед комиссией, голова кружилась от голода, а колени подкашивались от усталости и волнения. Ректор – тогда я понятия не имела, что это он, – сидел, опустив черноволосую голову, и внимательно читал какую-то бумагу. Даже не поднял на меня глаза. Справа и слева от него сидели представители разных факультетов – по одному от каждого. Строгая дама с убранными волосами – с водного, изысканно-небрежно одетая – с воздушного, мужчина – обладатель злого, дергающегося лица – с огненного. Приятной наружности яркоглазый представитель ментального факультета и седобородый старичок с факультета общей магии.

Несколько мгновений я стояла перед ними, а все они, кроме ректора, внимательно разглядывали меня – без особой доброжелательности. Только лицо старичка выглядело добродушным. Он же и обратился ко мне.

– Илона Гварди, сирота, хорошие данные по водной магии? – спросил он, взглянув на бумагу в своей руке.

– Да, ваша честь, – ответила я.

– Сирота? – словно гром в небе, услышала я глубокий

строгий голос. Мгновение не понимала, кому он принадлежит, потом с ужасом заметила, что черноволосый наконец поднял глаза и остро, неприязненно меня разглядывает. В его лице строгость и порода сочетались с грубостью, крупностью черт, что выдает властный, склонный к гневливости характер.

– Сирота? – повторил он, откинулся и сложил руки на груди. – Тарра, – заглянул в список, лежавший перед добрым старичком, – Гварди, скажите, у вас есть другие родственники, которые смогут оплатить ваше обучение?

Под испытующим взглядом мне захотелось спрятаться. Меня затрясло. Вот так, надеялась, готовилась. Но кто возьмет в академию выпускницу благотворительного приюта с единственной рекомендацией от жалкой учительницы общей магии!

– Нет, ваша честь. Я хотела бы участвовать в конкурсе на стипендию, – я нашла в себе силы ответить достаточно твердо.

– Похвальное желание, – бросил ректор и обернулся к старичку. – Мэтр Соло, зачем вы обнадежили девушку, вызвав сюда? Все стипендии на водном факультете уже заняты.

Несколько мгновений старичок, мэтр Соло, растерянно молчал. Видимо, такая мысль не пришла ему в голову. Потом посмотрел на меня, во взгляде мне почудилась вина. Ему неудобно, что я оказалась в такой ситуации, подумала я, сердце затопило благодарностью

– Есть еще одна стипендия на факультете общей магии. Как декан этого факультета, я могу отдать стипендию на водный, чтобы девушка смогла получить образование, достойное ее таланта.

– О ее таланте мы еще ничего не знаем, – резко сказал ректор и с сомнением посмотрел на меня. Мне в очередной раз захотелось спрятаться. Заползти под стол, свернуться там клубком и сидеть, пока все эти люди не уйдут.

– Стипендия на общем факультете меньше, она не покроет расходов по обучению на водном. Это не выход, – спокойно, без всяких чувств, произнес ректор. – Впрочем, вы сегодня председатель комиссии, мэтр Соло, – более добродушно закончил он.

Мэтр Соло облегченно выдохнул:

– Тогда я предлагаю вам, тарра Гварди, участвовать в конкурсе на стипендию факультета общей магии. В конце семестра, если освободится место на водном, у вас будет шанс перейти.

– Благодарю вас, – ответила я. – Буду рада.

Да мне хоть на какой факультет попасть! Ведь если не поступлю, возникнет вопрос не только с получением образования, но и с крышей над головой, с работой и пропитанием. Я приехала сюда прямо из приюта, с выходным пособием в десять коримми и одним запасным платьем.

– Что же... – ректор неожиданно встал, словно ему в голову ударила новая, подобная молнии, мысль. Я обратила вни-

мание, что движения у него порывистые, как будто раздраженные, а в мимике сквозит едва сдерживаемый огонь. — Посмотрим, что вы умеете, тарра Гварди, — он усмехнулся, на этот раз без пренебрежения и неприязни, и я поняла, что ему действительно интересно узнать, на что я способна.

Он выставил перед собой ладонь, и в ней загорелся снопа алого яркого пламени.

Сложно сказать, что случилось со мной. Никогда прежде и никогда потом я не вытворяла ничего подобного. Экзаменаторы, добрый мэтр Соло, сам Герат поплыли перед глазами, все заслонило пламя. Пламя, накатывающее на стены замка, пламя, подбирающееся к моим родным...

Я махнула рукой, и, прежде чем поняла, что творю, вода из стакана, стоявшего перед мэтром Соло, струей рванула вверх и ударила по языку пламени в руке ректора.

В следующее мгновение я поняла, что произошло, и застыла, выставляя перед собой руку, чтобы укрыться. Мне показалось, что сейчас меня ударят в ответ. Ректор отдернул ладонь, словно его обожгли. Да, я слышала, что огненным больно, когда их пламя гасят водой.

В его взгляде были возмущение и очень сильное раздражение. Он смотрел на меня, как на насекомое, что жужжало над ухом, а теперь осмелилось ужалить.

Я медленно опустила руку. Терять уже нечего. Я с полной гарантией вылетела из академии, так в нее и не поступив. Уже понимала, кто передо мной. Осознавала, что, сама то-

го не желая, оскорбила ректора. Человека, о котором ходят разные слухи. В том числе слухи о его строгости и неприимиримости. Говорят, за малейшее нарушение субординации можно быть отчисленным. И это в лучшем случае.

Правда, ходили и другие слухи. Например, что высокое происхождение не гарантирует претенденту поступление, если на экзамене присутствует магистр Герат.

Вода стекала по пальцам ректора, капала на драгоценные бумажки. Я зажмурилась – этого оскорбления мне не простят, но хоть убраться нужно! – заставила воду собраться струйками и затечь обратно в стакан.

Ректор, мэтр Соло и остальные экзаменаторы в немом изумлении смотрели на меня.

Повисла тишина.

– Простите меня, ваша честь, таросси ректор... – прошептала я. Сейчас меня выгонят с позором. А дальше...

Десять коримми быстро закончатся. Мне ведь нужно что-то есть. И вряд ли я найду работу за несколько дней, в которые еще смогу оплачивать свое проживание в гостинице для бедных. Да и кем я могу работать? Выпускница приюта с неконтролируемой магической силой. Дай бог, чтобы добрые люди взяли меня горничной. Говорят, горничные с начальными магическими знаниями ценятся среди знати. Только вот у меня нет ни рекомендательных писем, ни опыта.

Стану нищей.

Захотелось плакать, и я закусила губу. Позор. Идиотский позор, непонятный взрыв силы сломал мою жизнь.

Ректор ничего не ответил, лишь продолжил буравить меня взглядом, в котором не читалось ничего теплого или доброго. Потом вдруг произнес холодно и спокойно:

– Почему вы так поступили, тарра Гварди? Вы не получили никаких указаний, какое упражнение вам нужно выполнить. Кроме того, разве вы не знаете, что водное воздействие болезненно и оскорбительно для огненных?

Холодно, резко. Удивительно холодно для того, чья стихия – огонь. Вдвойне холодно оттого, что внутри него ощущалось злое раздраженное пламя.

Я подняла взгляд. Да, глаза ректора полыхали под ледяной коркой самообладания.

– Я подумала, что огонь нужно загасить, – ответила я неуверенно. Не говорить же правду? Что в его огне мне привиделось пламя, поглотившее моих родных, и сила сама вырвалась на волю.

Ректор помолчал, отвернулся от меня и обвел глазами остальных экзаменаторов.

– Я не считаю, что тарра Илона Гварди достойна учиться в академии. Подобная разнузданность силы и несдержанность делают ее опасной для окружающих.

– Но, таросси! – почти закричала я. В этот момент я готова была упасть на колени и умолять.

Наткнулась на острый, режущий взгляд ректора и сочув-

ственный – мэтра Соло.

– Зато какую силу, – негромко произнес старичок. – Не дав девушке возможности поступить, мы получим сильного мага, не умеющего контролировать себя и опасного для общества.

Ректор поморщился:

– В чем-то вы правы, мэтр, – проговорил он. – Но сегодняшнюю несдержанность сложно объяснить даже волнением на экзамене.

– Магистр Герат, – раздался вдруг спокойный голос. Он принадлежал блондину с ментального факультета. – Я не проводил полного осмотра, но вижу, что девушка очень голодна и устала. Ее поведение объясняется этим.

Я с благодарностью посмотрела на него. Неожиданная поддержка, как ниточка спасения. Ректор снова взглянул на меня.

– Почему вы не поели перед экзаменом, тарра Гварди? – спросил он холодно, но без прежней режущей резкости, просто с интересом.

– Я ждала, когда меня вызовут, ваша честь, – ответила я, стараясь, чтобы голос не срывался. – Экзамен длился долго, а я не взяла ничего с собой.

– А денег сходить в буфет у вас нет, – закончил за меня ректор. Оглядел присутствующих. – И снова я не считаю, что тарра Гварди может учиться в академии. Однако вы, мэтр Соло, председатель. Вам решать. Я лишь настаиваю, что се-

годня Гварди не может быть допущена к испытанию.

Я выдохнула. Хоть какая-то надежда. Мэтр Соло не чета ректору. Он поможет. А дальше нужно просто держаться подальше от этого гордого и злого мэтра Герата.

– В таком случае я предлагаю дать тарре Гварди шанс участвовать в испытании на мой факультет завтра на дополнительной комиссии, – произнес мэтр. – После того как она выспится и хорошо поест.

– Без меня, пожалуйста. Определите судьбу этой девушки без меня, – ответил ректор.

Он и так стоял возле стола, а теперь вышел из-за него и встал напротив меня.

Я среднего роста, ректор же был высоким, крупным мужчиной, в его фигуре читалась сила, его взгляд сверху вниз просто придавил к полу. У меня задрожали колени.

– А вы, Гварди, если, конечно, поступите, – он усмехнулся, – постарайтесь не попадаться мне на глаза. Встреча с вами – не лучшее впечатление в моей жизни, – он потряс ладонью, словно там у него и верно был ожог.

Он кивнул экзаменаторам и быстрым шагом пошел к выходу.

Кажется, все с облегчением выдохнули. Но прямо у двери ректор вдруг остановился. Пошарил в кармане, подошел к столу и положил на него большой золотой париссо с выгравированным профилем короля Статира.

– Хорошо поешьте и купите себе новое платье. Сегодня

вечером вы успеете это сделать, – бросил он и отвернулся.

Первым моим порывом было схватить деньги. Целый золотой париссо – это сто коримми. Я смогу поселиться в нормальной гостинице, смогу есть на эти деньги целый месяц, купить себе не одно, а два новых платья! Рука дернулась к столу.

Но в этот момент я поймала сочувственный взгляд мэтра Соло и поняла, что получила пощечину.

Дать деньги незнакомой женщине, не родственнице и не наемной работнице – оскорбление. Это все равно что назвать ее проституткой. Негласный закон высшего общества и среднего класса.

Я отдернула руку. Ректор только что унизил и оскорбил меня. И поставил в безвыходную ситуацию. Взять – значит признать себя ничтожеством. Не взять – еще раз оскорбить ректора.

– Берите, у вас ведь нет средств, – сказал Герат.

– Я не могу, – ответила я, ощущая, что вот-вот разрыдаюсь на глазах у всех. – Я их не заработала.

– Что ж, ваше право, – бросил ректор. – Не ожидал подобной гордыни в девушке из приюта.

Отвернулся и с непроницаемым лицом вышел за дверь. А я почувствовала, как по щеке катятся слезы. Да и золотой париссо так и лежал на столе, словно ждал, что я передумаю.

– Молодец, – вдруг сказал менталист Антони. – Вы хорошо держались, тарра Гварди. Считайте, большую часть ис-

пытания вы прошли. Завтра ждем вас утром на дополнительной комиссии. И да... деньги вы можете взять, мы никому не скажем.

— Благодарю вас, мэтры...

Деньги я не взяла. Ректор может потом спросить, не передумала ли я.

Но вечером и утром я нашла возможность дешево перекусить, а потом успешно прошла экзамен на факультет общей магии. Мэтр Соло благоволил ко мне. То ли из сочувствия, то ли видя мое искреннее желание учиться. Он стал моим наставником, куратором и другом.

После первой сессии одна из стипендиаток водного факультета была отчислена за неуспеваемость, и с легкой руки Соло меня перевели туда.

Глава 3

Утром я, не выспавшаяся, стояла перед зеркалом и мысленно проклинала ректора, его дурацкий отбор и собственную нервозность. Даже привести себя в порядок было сложно. Но нужно. Мне приходилось каждый день проверять, не пропал ли мой грим.

Провести рукой по волосам, чтобы поддержать светлый, золотистый оттенок. На самом деле волосы у меня светло-каштановые, как у матери. Но еще в школе, когда подросла и стала похожа на нее, я стала менять цвет. Теперь лицо.

Сперва учителя в школе говорили, что в каждой моей черте сквозит порода, потом я сама это осознала. Вытянутое и строгое лицо аристократки, идеально прямой нос, разлетающиеся брови. Такие лица нам показывали на уроках, когда рассказывали про очередную королеву или герцогиню, отметившуюся в истории.

Провела ладонями по щекам – они будут казаться пухлее, сделала нос не столь прямым. Бровям, напротив, придадим небольшой излом, чтобы избежать сходства с матерью. Вдруг где-нибудь в этом мире сохранились портреты моих родителей? Или вдруг однажды судьба сведет меня с тем, кто их помнит? Нельзя рисковать.

Это лишь иллюзия, многие магички накладывают ее вместо чернил для ресниц и помады. Ее видно магическим зре-

нием, но никто не догадается, что именно я скрываю. Теперь, чтобы уловить сходство с матерью, меня нужно поставить рядом с ее портретом.

Я вздохнула. На самом деле все эти ухищрения страшно надоели. Так хотелось стать нормальным человеком, живущим под своим именем. Или, по крайней мере, не вздрагивать каждый раз, когда упоминают моих еще не забытых родителей.

После завтрака я поняла, что опаздываю, и помчалась по коридору в аудиторию, где должна была читать лекцию. Сновали студенты, многие здоровались со мной.

Я почти добежала, когда кто-то поймал меня за рукав.

– Илона, привет! – одна из преподавательниц с кафедры морской магии настойчиво тянула меня к себе. Ларисса – лет на десять старше меня, голубоглазая шатенка – была мне не подругой, но близкой приятельницей. Возле нее стоял Кристан, мой лучший друг, на три года меня старше. Высокий, мощный, с темно-каштановыми волосами, объемными твердыми чертами лица и добрыми зелеными глазами.

– Привет, водница! – улыбнулся Кристан и чмокнул меня в щеку.

Ларисса продолжила, прежде чем я успела ответить.

– Ты слышала новость!? – громко зашептала она.

– Да, конечно! Наша Великая умерла, а ректор срочно устраивает отбор.

– Да нет! Не эту! – мотнула головой Ларисса. – Вчера уже

прислали приглашения на отбор. И я его получила, – Ларисса наконец перестала дергать меня за рукав, опустила глаза и слегка покраснела.

«Да что же этот поганец на них так действует?!» – подумала я.

– Поздравляю, – ответила я и погладила приятельницу по плечу. – Рада за тебя, если тебе приятна эта новость.

– Очень приятна, – тихо сказала Ларисса. – Стать Великой рядом с таким ректором... Я даже не мечтала об этом.

– А кто еще получил? – словно ненароком спросила я. Рассказывать, что одна из избранниц – я, мне не хотелось. Вдруг мое прошение будет удовлетворено, и я никак не засвечусь на отборе. Не хотелось бы, чтобы Ларисса без повода увидела во мне конкурентку.

А вот Кристану потом расскажу.

– Я разузнала, – Ларисса опять приблизила губы к моему уху и перешла на шепот. – Еще одно приглашение получила Керра Ти. Ну помнишь, такая брюнетка с кафедры водных монстров. А третье... никто пока не знает, у кого третье приглаш...

Ларисса не договорила, внезапно застыла с открытым ртом, изумленно глядя в глубь коридора. Мы с Кристаном тоже обернулись.

По коридору быстро шел Герат в сопровождении секретаря с бумагами в руках.

Студенты, перешептываясь, освобождали им дорогу, по-

чтительно кивали. Он отвечал спокойными, сдержанными кивками. А мне сразу стало плохо. Только личной встречи с ним и не хватало!

Когда Герат оказался совсем близко, мы с Кристаном сделали шаг к стене и оттащили вытаращившую глаза Лариссу.

– Ах... – прошептала она и так и застыла, буравя его взглядом. Что же она будет делать на отборе, если так камееет, едва заведев его, подумалось мне.

Мы почтительно кивнули, он прошел мимо. Я облегченно выдохнула. Ему не до нас. Но Герат вдруг остановился, словно уперся в невидимую стену. Обернулся. Я встретила взглядом с темно-кариыми, почти бордовыми глазами огненного мага.

Колени задрожали, как на вступительном экзамене, когда он посмотрел на меня впервые. Ведь он явно узнал меня, потому и остановился! Сейчас опять размажет, скажет что-то ужасно обидное. Прямо здесь, при всех.

Герат подошел к нам, за спиной я услышала восхищенный вздох Лариссы. Но на нее ректор даже не взглянул. Смотрел лишь на меня.

– Илона Гварди? – спросил ректор, не отрывая взгляда от моего лица. Но было ясно, что он прекрасно меня узнал.

– Да, таросси Ванирро, – как можно спокойнее ответила я.

– Вы выходите замуж в ближайшие дни?

«Что? – пронеслось у меня в голове. – Замуж? В ближайшие дни? С чего он взял? С ума сошел, что ли?..»

– Нет! – изумленно ответила я.

– Тогда возьмите, – он жестом подозвал секретаря, просмотрел несколько бумаг и протянул мне одну из них. Я растерянно взяла ее в руки.

Мое прошение. На нем было написано: «Отклонить без возможности пересмотра», и стояла размашистая подпись ректора.

Не знаю, показалось мне, или Герат чуть усмехнулся. Затем он развернулся и, не попрощавшись, пошел дальше по коридору.

Несколько мгновений я смотрела ему вслед, ничего не видя и не слыша вокруг. Перевела взгляд на бумагу. «Отклонить без возможности пересмотра». Вот как. Ну и гад! Хочет иметь девочку для битья во время отбора? Слезы несправедливой обиды выступили на глазах.

Но тут я услышала... Оказывается, пока ректор говорил со мной, в коридоре царила полная тишина. Теперь же все заговорили разом. Студенты смеялись и кивали на нас с Кристаном и Лариссой. Ларисса взяла из моих рук бумагу.

– Что это? – спросила она. – Ты что-то писала ректору?

Она пробежала ее глазами.

– Ты, Илона? – она подняла на меня изумленные глаза. – Но ты ведь говорила, он терпеть тебя не может!

– Все так, – ответила я. – Поэтому я решила, что это ошибка, и написала прошение.

– Ты не хочешь в отбор? Поэтому сразу не сказала, что

третья – это ты? – еще больше изумилась Ларисса.

– Да, не хочу, Ларисса! Он действительно терпеть меня не может, а в отбор пригласил, чтобы было на ком спустить пар.

– Думаешь? – спросила она с сомнением.

– Конечно! Зачем еще! – Я решительно забрала из ее рук бумагу.

– А почему он спросил про замужество? – продолжила недоумевать Ларисса.

– Замужние не могут участвовать в отборе, – пояснил прежде молчавший Кристан. А мне показалось, что он крайне напряжен, словно это его пригласили участвовать в отборе. – Поэтому Илона, если бы вышла замуж в ближайшие два-три дня, не смогла бы участвовать. Фраза в прошении про личные обстоятельства навела ректора на мысль о замужестве. Илона, ты совсем не хочешь в нем участвовать? Уверена?

– Совсем. Ты же знаешь! – сказала я. – Ребята, все, простите, у меня лекция, я опаздываю. И не рассказывайте никому... обо всем!

И подумала, что Кристан-то не расскажет, а просить Лариссу бесполезно.

– Я зайду за тобой вечером, – улыбнулся Кристан. – Поболтаем. Может что-нибудь придумаем.

Глава 4

После таких новостей читать лекцию было сложно, поэтому во второй половине я устроила контрольную работу. Сама ушла в лаборантскую, где хранились портреты исторических личностей, плескались в колбах образцы воды из магических источников, а в бассейне плавали неизменные элементали.

И что делать? Мало того что он собирается использовать меня как девочку для битья, так еще и ментальная проверка перед отбором. Лучшие специалисты заглянут в самые укромные уголки разума претендентов. Поэтому просто плохо выполнять задания и вылететь после первого испытания для меня не вариант.

Замуж? За четыре дня я не успею выйти замуж. Да и сама идея замужества с нелюбимым человеком казалась мне почти такой же ужасной, как стать напарницей ректора. Впрочем, если бы встал выбор...

Что мне остается?

Попробую уйти в отпуск. Если я буду в отпуске во время отбора, то не смогу в нем участвовать. Взяла листок:

...Прошу предоставить мне с завтрашнего дня отпуск за свой счет сроком на один месяц. Мои преподавательские, научные и административные обязанности на это время будут распределены между другими сотрудниками кафедры пресноводной магии...

Прошла в коридор, поймала посыльного, сунула ему монетку и попросила отнести бумагу в приемную ректора. И отправилась проверять контрольную.

К концу занятия в дверь постучали. Я открыла, посыльный вручил мне свернутый трубочкой лист и гордо заявил:
– Вам ответ от ректора.

«Как быстро!» – подумала я, а студентки зашушукались и начали бросать на меня красноречивые взгляды. Я сплюнула про себя. После сегодняшней «беседы» в коридоре и этого инцидента точно пойдут слухи, будто я веду оживленную переписку с ректором и вообще состою с ним в каких-то отношениях.

Я отпустила студенток и развернула листок.

На мгновение все поплыло перед глазами. Бумага была другая – не мое краткое прошение об отпуске, и на ней не было написано: «Отклонить без возможности пересмотра». Это было полноценное ответное письмо, написанное резким строгим почерком.

Глубокоуважаемая тарра Гварди! – гласило оно. – Администрация академии с радостью предоставит Вам оплачиваемый отпуск с освобождением от преподавательских и прочих обязанностей. Отпуск позволит Вам без лишней нагрузки принять участие в отборе на должность Великой. Освободить Вас также от обязанностей, связанных с участием в отборе, мы не можем, поскольку они не относятся к Вашим обычным должностным обязанностям.

Однако, поскольку Ваше прошение об отпуске последовало сразу после отклоненного прошения исключить Вас из отбора, у меня возникли подозрения, что Вы по неустановленной причине не желаете принять в нем участие. В связи с этим Вам необходимо НЕМЕДЛЕННО предоставить мне таковые причины. С уважением... Ректор академии... Герат...

Слезы неконтролируемо потекли по лицу. Хотела бороться?! Так это у него есть все рычаги давления на тебя. У тебя на него – никаких. «Мерзкий, жестокий гад!» – подумала я. Как ему не стыдно?!

Утерла слезы. Не люблю жалеть себя. Не люблю чувствовать себя слабой и зависимой.

Я взяла перо и новый листок. Велел предоставить «таковые причины» – что же, придется ему напомнить.

Глубокоуважаемый таросси Герат... На Ваше распоряжение объяснить причины моего нежелания участвовать в отборе сообщаю, что это связано с Вашими словами, сказанными мне дважды. Я дважды облила Вас водой, что могло быть воспринято Вами, как оскорбление. В первый раз – на вступительном экзамене в академию... Второй раз...

Снова стало жалко себя, в памяти всплыли все унижения, что пришлось пережить, когда я училась первый год. И наша вторая встреча с ректором, даже более опасная, чем на экзамене.

Тогда Вы сказали, что если я буду попадаться Вам на глаза, то буду отчислена из академии. Поэтому я сочла, что приглашение было прислано мне Вашими помощниками по ошибке. Мне не хотелось бы доставлять Вам неприятные ощущения своим присутствием на отборе. С глубоким уважением...

Поймала ухмыляющегося посыльного и отправила с ответом. Вошла обратно в аудиторию и обессиленно опустилась на стул. Картинки прошлого снова стояли перед глазами.

* * *

Кристан! Ну где же ты!» – кричу я мысленно и ускоряю шаг. Но мне не успеть. Группка парней с огненного факультета сорвалась с места и с усмешками торопится ко мне. Я подбираю юбку, бежать – позор, но что еще остается, ведь использование боевой магии вне занятий строго запрещено, я даже не могу обороняться.

– Да стой ты, водяная! – гогочет один из парней – высокий, здоровенный Сарше, младший сынок графа Доло. Хватает меня за руку и рывком разворачивает к себе.

Еще трое подходят к нам.

– Давай поцелуй меня! – говорит Сарше и притягивает к себе. Трое остальных подступают ближе. Еще пара мгновений, и они окружают. А дальше начнутся тычки, щипки, откровенное лапанье. У избалованных огненных бурлят гор-

моны, и бедным девушкам с женских факультетов не всегда удастся избежать таких встреч. Даже если я пожалуюсь мэтру Соло, парней, самое большое, отчитает декан огненного факультета, они временно успокоятся, а потом опять примутся за свое.

– Да, поцелуй нас всех! На это ты годна! Все равно долго в академии не продержишься! – гогочет еще один парень.

Ну где же хоть кто-нибудь, думаю я, судорожно оглядываясь по сторонам. Почему, как на грех, именно сейчас во внешнем саду никого нет?!

– Ну-ка, смотри на меня! – больно ущипнув меня за бок, говорит Сарше и пытается развернуть к себе мое лицо. – Слишком гордая, да? Мы тебе не нравимся?!

– Не нравитесь! – бросаю я и едва удерживаюсь, чтобы не плюнуть ему в физиономию.

На самом деле я боялась, что однажды от щипков и лапання эти парни перейдут к делу. А потом начнут шантажировать, чтоб никому не рассказывала.

Сейчас или... Воздух во мне слабее воды, но я резко дунула Сарше в лицо. «Укус боли» – так назывался этот прием. Не боевая магия, но на грани.

Сарше дернулся, отпустил меня и прижал руку к щеке, словно его укусила оса. Я рванула в сторону, ускользнула от пары загребущих рук и кинулась к арке во внутренний сад.

Знала, что у меня не больше минуты преимущества. Сарше скоро придет в себя, они побегут за мной. Но во внутрен-

нем дворе у меня появятся шансы. Я успею скрыться за кустами и проскользнуть во флигель, где живут студентки водного факультета. К тому же здесь может дежурить охрана.

Я забежала под арку и словно вынырнула из морской глубины в темный сад. Лишь несколько светильников болтались в воздухе поблизости. Я остановилась перевести дух, и один из них услужливо подплыл ко мне. Охраны здесь нет, разглядела я.

Обернулась к арке. Из-за нее слышались приглушенные голоса – скоро преследователи будут здесь. Снова нужно бежать, пока они не догнали.

Но, видимо, в этот момент во мне что-то сломалось и... расправилось. Как будто та сильная часть меня, родившаяся в день гибели родителей, вдруг подняла голову и расправила плечи.

Все, хватит. Плевать на запреты академии. Я не позволю больше унижать себя.

И не побегу.

Встала напротив арки. Сила, которую я сдерживала каждый день, ограничивала, приглушала, плескалась в груди, переходила в ладони. Направила светильник так, чтобы осветить выход из арки.

Как только в круге света появилась тень, я напряглась. Сейчас будут работать обе женские стихии: и вода, и воздух. У меня ведь есть силы на все! Просто огненные поганцы об этом еще догадываются!

Когда первая темная фигура возникла в ореоле света, я резко прижала ладони к груди и выбросила вперед. Преобразование стихий. Пока нам показывали это лишь теоретически, но я умела.

Воздух передо мной стал плотным, а потом большая волна холодной, жалящей воды поднялась и накрыла преследователя с головой. Тут же вспыхнуло яркое пламя, а все светильники поднялись и встали возле окруженной огненным ореолом фигуры – так, чтобы осветить нападающего, то есть меня.

«Что-то слишком мощно для этих недоогненных!» – успела подумать я. А спустя миг разглядела строгое лицо нашего ректора. Вода шипела и испарялась на его темном костюме, вокруг него. За пару секунд поднялся и развеялся густой пар.

Он повел плечами, словно стряхивая с себя остатки пламенного ореола, и пошел на меня.

Мне бы убежать... Но было уже поздно. Он меня видел.

Я застыла и смотрела, как ко мне идет тот, кто сейчас отчислит меня из академии. Или отдаст под суд, ведь совершенное мною можно счесть покушением на его жизнь. Или просто сожжет меня – и это будет самообороной.

Глава 5

Опять он стоял, глядя на меня сверху вниз. Взгляд был очень раздраженный. В то же время – заинтересованный. Но это не давало мне никаких надежд. Понятно, что ему интересно, кто облил его водой, используя один из приемов боевой водной магии.

У меня закружилась голова от страха. Он молчал, буравя меня взглядом, а я смотрела куда-то ему в грудь, и это молчание давило, оно было красноречивее слов.

Кстати, одежда у него была уже совершенно сухая. Только черные, как уголь, волосы выглядели мокрыми, и на левой щеке притаились две капли воды.

У меня позорно задрожали руки. Терпеть эту тишину я больше не могла.

– Таросси ректор... – начала я.

Но он поднял ладонь запрещающим жестом.

– Ваше имя? – спросил без всякого выражения.

– Илона Гварди.

– Первый курс? Стипендиатка факультета общей магии?

– Да, таросси ректор.

– Вы хотели убить меня? – поинтересовался он то ли с насмешкой, то ли со злостью.

– Нет, таросси Ванирро! – я наконец посмотрела ему в лицо. – У меня и в мыслях не было!

– Да? – ректор удивленно поднял брови. – Значит, хотели отомстить за нашу встречу на экзамене?

– Нет, что вы! Я вообще не в вас целилась!

– А в кого же? – он сложил руки на груди и со злым интересом смотрел на меня.

«Ну вот и все!» – пронеслось в голове. Начать перечислять обидчиков? А он поверит? Каждый из них – аристократ, за каждым стоят могущественный род и большие деньги. Наверное, даже ректору нелегко найти способ наказать их.

Да и на чьей стороне будет Герат? Вряд ли на стороне бедной сиротки. Он ведь понимает, что, не успей он защититься, вода превратилась бы в лед, сковав на время движения противника.

– Не хотите отвечать? – спросил ректор.

– Мы... со знакомыми повздорили, я хотела защититься... – нашла я.

– Защититься? – он снова поднял брови и недобро усмехнулся. – Поэтому вы использовали прием боевой водной магии, которому вообще-то еще не обучены? Чем ваши знакомые заслужили такое наказание?

– Они... – начала я и осеклась.

Говорить о том, что парни, грубо говоря, домогаются меня и других бедных девушек, было стыдно, как будто в их лапаны была наша вина. Тем более – такому жесткому, неприемлемому человеку, как Герат. Он ведь не пожалеет, еще может сказать, что девушки сами провоцируют парней.

– Я жду, тарра Гварди, – сказал ректор и крепче сложил руки на груди. – Вы всегда так долго думаете, прежде чем ответить? Только атакуете без колебаний?

– Эти знакомые дразнят меня и еще некоторых водных девушек, – сказала я, понимая, что несую полную чушь.

– Дразнят? – поднятая бровь. – За что, хотелось бы узнать?

– Не знаю, – опять подступили слезы. Но сильная часть меня вновь расправила плечи, я как-то подобралась. Все равно ведь миром он меня не отпустит. – Вероятно, за то же, за что вы не хотели, чтобы я поступила в академию! – сказала я. – За то, что я сирота и у меня нет денег и связей.

– И что же они говорят? – спросил Герат.

– Ну... – я почувствовала себя идиоткой и ляпнула первое, что пришло в голову. – Они говорят, что я не продержусь долго в академии.

– Они правы, – ректор расцепил руки на груди. – Вы отчислены за нарушение устава академии и угрозу здоровью административного лица.

Отвернулся и пошел по тропинке.

Я стояла, словно он ударил меня. Вот и все. Все для меня закончилось.

Но если он ректор, то должен следить за порядком! Не позволять того, что вытворяют парни с огненного! Впрочем, я ведь ему не сказала, что именно... Неужели из-за своего стыда я утрачу единственный шанс на нормальную жизнь?!

Смелость отчаяния ударила в голову и растеклась по телу. Терять-то уже нечего.

– Но таросси! – я бегом кинулась за ним.

– Да, тарра Гварди? – он остановился, обернулся ко мне и снова сцепил руки на груди. – У вас есть что еще сказать мне?

– Может быть, можно... без отчисления? Ведь не только я виновата!

– Вы так полагаете, что обидные слова заслуживают ответа боевой магией?

– Нет.

– В таком случае, может быть, скажете правду? Если вы хотите разделить ответственность с обидчиками, я, по меньшей мере, должен знать их имена и что конкретно они хотели вам сделать.

Я выдохнула. Как все это унизительно и противно. За что судьба свела меня с этим человеком? Почему именно он оказался под аркой сегодня?

– Хорошо, – выдохнула я, словно собиралась нырнуть в прорубь с ледяной водой или войти в стену огня. – Некоторые мальчики с огненного факультета преследуют девушек незнатного происхождения.

– Преследуют? Поясните.

«Он издевается, что ли!» – подумала я.

– Они окружают девушку и... Таросси ректор, я уверена, вы понимаете, о чем идет речь! – я так и не могла назвать

словами действия огненных хулиганов.

Несколько мгновений Герат изучал мое лицо. Ну и вид у меня, подумалось мне, наверняка встрепанная, с горящими щеками, буйная, как порожистая речка.

– Понимаю, – наконец произнес он медленно. – Кто именно?

Я заколебалась.

– Вы знаете, что будет, если я назову имена, – сказала я. – Вы отчитаете и припугнете их. Они перестанут открыто преследовать нас. Но начнут мстить мне незаметно.

– Вы считаете, что администрация не в состоянии защитить своих адептов? Имена, тарра Гварди. Либо могу предложить ментальную проверку – вашу и всех адептов огненного факультета. Полагаю, от этого их любовь к вам вырастет неизмеримо.

– Нет, пожалуйста! – опять захотелось рыдать. Но сильная часть меня сдержала слезы. Будь я хоть тысячу раз водная, у которых легко со слезами, но перед ректором не заплачу.

– Имена, Гварди, – с каменным лицом произнес он в ответ и вдруг добавил: – Боитесь заложить их, боитесь за себя? Думаете только о себе? А вы не подумали, что однажды с другой девушкой эти огненные мальчики могут пойти дальше? И у девушки может не оказаться ваших способностей к боевой магии или смелости нарушить устав.

«Думаете только о себе?» – эхом отозвалось в ушах. И тут меня взяла настоящая злость – такая же, как когда я остано-

вилась перед аркой и решила драться. Злость на парней с огненного, на ректора и на себя за то, что... вообще-то он прав.

– Сарше Доло – младший сын графа Доло, – произнесла я. – Его друг Дэри Вэйс. Еще двоих я по именам не знаю.

– Этого достаточно, – спокойно ответил ректор. Расцепил руки. – Можете возвращаться к учебе, дальнейшее вас не касается. И сделайте одолжение: не попадайтесь мне на глаза. Еще раз увижу вас – вылетите из академии. Мне достаточно двух купаний.

Во мне растеклась волна облегчения. Да сколько угодно, таросси ректор. Я так же рада буду никогда вас не видеть, как вы меня.

– Слушаюсь, таросси ректор, – ответила я. – Спасибо большое!

Он ничего не ответил, лишь кивнул. Отвернулся и пошел по тропинке. Сзади, там, где затылок переходил в мощную красивую шею, все еще блестела капелька воды.

Следующие дни я ждала, что меня вызовут на разбирательство. Потом – что парней с огненного наказали и они начнут жестоко мне мстить. Но этого не произошло. Приставания к девушкам прекратились, в течение трех месяцев все четверо моих обидчиков вылетели из академии за другие нарушения.

Глава 6

Ненавидела ли я ректора после той встречи? Пожалуй, нет. Но испытывала к нему глубокую антипатию. Даже сложно сказать почему, ведь, по сути, он не сделал мне ничего плохого. Напротив, поступил справедливо, даже мило-сердно. Я действительно нарушила устав академии, облила его, пыталась скрыть истинную причину своего поступка. Он имел полное моральное право меня отчислить.

Просто его жесткий тон и пренебрежение отталкивали. Даже его сногшибательный внешний вид не искупал неприятные эмоции, пережитые в общении с ним.

Понимала я и то, что антипатия взаимна. Что приятного в девушке, которая потушила огонь в его руке, не взяла его деньги и наконец с головы до ног облила холодной водой.

С тех пор я держалась от него подальше. Лишь когда он читал лекции по высшей стихийной магии всем студентам второго курса, я их посещала. Кристан убедил, что посещение общих лекций не относится к «не попадаться на глаза», напротив, пропускать лекции ректора крайне не рекомендовалось.

И этому человеку я вдруг понадобилась в отборе! Причем настолько, что все мои попытки уклониться он отменяет. Зачем?

К концу лекции мне принесли его краткий ответ: «При-

чины неубедительны. Требуется ли отпуск?» – «Поскольку отпуск не освобождает меня от участия в отборе, он не требуется», – ответила я, подражая его лаконичности. И тоже не поставила ни обращения, ни подписи. Пусть оскорбится, если хочет. Надоело!

Но надоело-то надоело. А что мне делать, непонятно. Просто тупик какой-то.

А вечером ко мне пришел Кристан. Привычно поцеловал в щеку и застыл на пороге. В его мощной земной фигуре ощущалось странное напряжение.

– Прогуляемся? – улыбнулась я.

– Илона, – голос его тоже звучал напряженно. Только проблем с Кристаном мне не хватало, подумала я. – Я хотел бы поговорить с тобой здесь.

«Как благородный рыцарь, пришел предлагать мне руку и сердце, то есть скоростаживно выйти замуж», – подумала я и устало села в кресло.

– Присаживайся, – вздохнула и указала ему на стул рядом.

– Илона, – он сел, сложив руки на коленях, спина ровная, голос официальный. Настоящий земной мужчина. Порядочный, ответственный, разумный. – Ты близкий, дорогой мне человек, ты это знаешь.

– И ты мне, – улыбнулась я и погладила его по руке. – Кристан, ты не обязан. Не нужно это.

– Как это не нужно?! – Кристан в изумлении посмотрел на меня, его напряжение исчезло и превратилось в оживле-

ние. – Не увольняясь из академии, ты можешь не участвовать в отборе, только если выйдешь замуж. Я считаю своим долгом предложить тебе руку и сердце. Мы заключим брак. Спустя несколько месяцев, если ты захочешь – мы его расторгнем, – оживление улеглось, Кристан опять стал похож на исполнительного солдата.

– Фиктивный брак? – спросила я. По сути, Кристан был прав, это выход.

Просто... не хочется. Это неправильно. В каждой водной живет романтический дух. Я мечтала однажды встретить того, кто станет моим единственным. Конечно, скорее всего это будет маг земли, именно с ними хорошо сочетается моя основная стихия. Но я никогда не хотела выйти замуж не по любви, а ради достижения какой-то цели.

– Мы не успеем, Кристан, – сказала я. – Мы должны написать заявление на имя главного придворного мага, ведь речь пойдет об объединении стихий. А попробуем пожениться тайно, и наш брак не признают.

– Конечно, – кивнул Кристан. – Но... – в спокойном голосе Кристана вдруг зазвучал огонь. – Послушай, Илона! Я сразу понял, что это твой шанс. Я не могу допустить, чтобы ректор унижал и обижал тебя на отборе! Послезавтра в Ино-сте – помнишь такой городок на границе? – «ночь согласия». Там будут регистрироваться браки всех желающих людей и магов. Мы тоже успеем! Брак, зарегистрированный в «ночь согласия» признают всегда! Это тысячелетняя традиция.

А ведь действительно, я совсем забыла об этом! Несколько мгновений я молча взвешивала про себя. Он прав. Мы поедем в Иност, заключим брак, а потом сделаем вид, что совершили это под влиянием порыва, как многие, и разведемся.

Только вот совершить подобное – означает стать другой. Той, что готова использовать друга, предлагающего помощь из благородства.

– Кристан, – мягко сказала я. – Я не хочу, чтобы ты обременял себя фиктивным браком.

В серых глазах Кристана молнией мелькнула боль. Он подобрался, встал и резким движением опустился передо мной на одно колено.

– Илона... Я могу... Я хочу предложить тебе настоящий брак! – сказал он и накрыл большой теплой ладонью мои руки, лежавшие на коленях.

– Что? – переспросила я, словно ослышалась. – Но мы столько лет дружили! Мы все решили тогда, давно.

Кристан сжал мои руки сильнее, выдохнул и заговорил:

– Послушай, я привык... скрывать свои чувства. Это стало моим вторым я...

«Ну вот, дружбе конец, а мне выбирать прямо сейчас...» – подумала я.

– Когда-то... Помнишь, как я позвал тебя на свидание? Ты сказала, что пойдешь, лишь если это просто дружеская встреча, и я признал, что нам лучше быть друзьями. Пото-

му что понимал – ты не готова стать моей девушкой. Я научился быть тебе другом, никак не тревожить тебя своими чувствами.

В его глазах опять сверкнула боль. А мне захотелось прижать к груди его голову и успокаивать, как маленького расстроенного мальчика. И это было... совсем не то, что он хотел бы увидеть в ответ.

Кристан сглотнул и продолжил:

– Я ждал, что постепенно в тебе проснутся чувства ко мне. Мне было так плохо, когда ты встречалась с Корном!

– Я понимаю, Кристан...

– И потом... тоже бывало плохо. Но я давал тебе время. Послушай! – он сжал мои руки так, что показалось, сейчас хрустнут пальцы. – Я понимаю, ты и сейчас не испытываешь ко мне того же, что я. Но предлагаю тебе честный брак. Я сделаю все, чтобы постепенно... может быть, за много лет ты полюбила меня. Я буду тебе хорошим мужем, буду заботиться о тебе. Захочешь – мы уедем отсюда в особняк под Ауреном, который я унаследовал. Просто дай мне шанс!

Я горько усмехнулась. Мягко высвободила руки из-под его ладони.

– Встань пожалуйста, Кристан, – попросила я. – Присядь. Давай поговорим спокойно, – и продолжила, когда он наконец поднялся и вновь устроился на стуле. – Спасибо тебе. Я знаю, что ты был бы хорошим мужем. Только скажи, что изменится, если мы поженимся?

– Постепенно ты привыкнешь ко мне, полюбишь.

– Привыкну – не значит полюблю. Я и так привыкла к тебе. Но ты знаешь, что это другое. Брак, церемония, совместная жизнь, постель... Ты думаешь, они все изменяют?

– Надеюсь, – неуверенно ответил Кристан.

Я несколько секунд молчала. Всегда тяжело делать больно близкому человеку. Но сейчас нам придется пройти через это.

– Кристан, именно поэтому я не могу выйти за тебя замуж. Не могу подвергать тебя пытке. Ты будешь ждать и надеяться. А вдруг ничего не изменится? Выйти за тебя, чтобы избежать отбора, а потом развестись, потому что я...

– Так и не полюбила меня, – закончил за меня Кристан, как припечатал. К нему возвращалась обычная сдержанность. – В таком случае мы будем считать наш брак фиктивным и спокойно разведемся.

– Только ты-то не будешь считать его таким! – воскликнула я. – Кто я, по-твоему, чтобы так поступать с лучшим другом? С лучшим человеком на свете? Кто я такая, чтобы ты жил в пытке и ожидании?! А потом ушел ни с чем. Нет, я знаю, что нашей дружбе конец, но поступить с тобой так я не могу!

– Успокойся, наша дружба никуда не делась, – спокойно произнес Кристан. – Я стану таким, как прежде. Но... неужели пойти на отбор лучше, чем потерпеть мои влюбленные взгляды и ухаживания? Я даже не буду требовать... ну, ты

понимаешь, пока ты сама не захочешь!

– Да не во мне дело, а в том, что ты будешь мучиться! – сказала я. Потом решительно мотнула головой. – Я в любом случае не пойду на отбор, – было ведь еще одно решение. Решение, которое очень не хотелось принимать. Отвернулась, чтобы Кристан не увидел гримасу, перекосившую мое лицо. Академия была моей жизнью, моим домом. Поэтому слишком больно. – Я уйду из академии.

– Что?! Ты с ума сошла! – спокойствие опять слетело с Кристана. Он встал, одной рукой обнял меня за плечи и быстрым движением притянул к себе. Прижал к груди мою голову, словно я уже сейчас убегала из академии.

Мы не первый раз обнимались с ним. Он часто поддерживал меня, обнимая, еще в студенческие времена, когда я переживала из-за обидных фраз огненных или сложностей в учебе. Я тоже могла приобнять его и погладить по руке, по спине, проявляя тепло в трудные моменты. При встрече и прощании мы целовались в щеку. И никогда за последние одиннадцать лет я не ощущала от него ничего, кроме дружеского расположения.

Кристан действительно был благородным рыцарем, каких больше нет. Как можно столько лет скрывать свои чувства? Сколько выдержки это требует. И ведь Кристан даже ни с кем не встречался все эти годы. В отличие от меня: у меня бывали поклонники, я изредка ходила на свидания. С Корном, земным магом на два года старше, встречалась целых

восемь месяцев. А Кристан ни разу не потревожил меня ни ревностью, ни упреком!

Но сейчас он обнимал меня так, словно его мучила жажда и он наконец дорвался до вожаденной чаши воды. Зарылся руками в мои волосы.

Ни на секунду во мне не зародилось тревоги, что он зайдет дальше против моей воли. В его руках было надежно и спокойно. И даже обидно, что я не чувствую в ответ такой же «жадности».

Какая-то я неправильная водная. Объятия земного должны дать мне покой, надежность, и желание отдаться в эти твердые руки. А я должна накрыть его разбушевавшейся волной чувств. Я даже испытывала подобное с Корном. Но сейчас этого не было.

Он отстранился. Посмотрел на меня с тоской.

– Это же так глупо, Илона! Даже отбор лучше, чем увольнение! И... ты ведь даже не знаешь, как мы можем быть вместе, мы даже ни разу не целовались!

Он медленно, словно приручая дикое животное, начал склоняться ко мне. «Почему бы нет...» – вдруг пронеслось у меня в голове. Может быть, я чего-то о себе не знаю?

Может, мне не хватает его бережной надежной близости, чтобы чувства проснулись в душе? И тогда я выйду за него и уже никогда не буду думать о ректоре с его проклятым отбором. Я запрокинула голову и позволила себя поцеловать.

Глава 7

Кристан целовал меня нежно, но уверенно и твердо. Жадно, но чуть сдерживая чувства, чтобы не отпугнуть меня страстью. Это было приятно. Женское во мне таяло и растеклось, хотелось раствориться в его руках, позволить большее. Но не более того. Нормальная женская реакция на прикосновения красивого сильного мужчины.

Сердце так и не проснулось.

Еще хуже. В голове пронеслось, что будь на месте Кристана кто-то вроде нашего ректора, то он просто снес бы своей страстью мою неуверенность. Он бы не спрашивал поцелуем разрешения любить меня, он бы брал меня себе и пробуждал во мне ответное кипение.

И это благодетельная водная девушка, что должна когда-нибудь стать хорошей парой уважаемому земному магу!

Поцелуй Кристана был слишком долгим. Он прижимая меня к себе все крепче и крепче, я начала отстраняться. Потому что, если не сделать этого, нужно будет решить, пойти дальше и отдать себя Кристану или не сделать этого.

А я уже решила.

Почувствовав мое сопротивление, Кристан неохотно отстранился. Не отпустил полностью, держал руки на моей талии, вглядываясь в лицо. Его щеки пылали, во взгляде был необычный огонь. Но постепенно он пошел на спад, а в гла-

зах засветилась горечь.

– Значит, нет? – спросил он и отпустил меня.

– Прости меня. Я не могу, – ответила я, чувствуя себя последней негодяйкой.

– Нужно было целовать тебя с самого начала! Не давать тебе прохода! – зло сказал Кристан и взмахнул рукой. Но тут же провел ею по лбу и продолжил спокойно:

– Тогда просто фиктивный брак. Ты же не хочешь стать Великой нашего ректора?

– Не хочу. Повторяю – я ухожу из академии. Но мы будем дружить и дальше. Ты не потеряешь меня полностью.

– Я уже тебя потерял, – ответил он. – Я не хочу, чтобы ты уходила из академии никак, кроме как в роли моей жены. Но... Ладно, Илона, – он вдруг махнул рукой. – Я все понимаю! Ты слишком романтическая натура, чтобы выйти за того, кого не любишь. Я уйду сейчас. Мне нужно подумать! Только не пиши заявление об увольнении, ладно? Подумай еще.

– Хорошо, – ответила я.

Кристан кивнул и быстро вышел.

Было противно врать ему. Потому что я тут же взяла бумагу и, пока во мне не угасла решимость, написала. На этот раз было официальное обращение: «Ректору академии... от...» и «Прошу уволить меня по собственному желанию с занимаемой мной должности младшего преподавателя кафедры... в кратчайшие сроки».

Я и так поступила с Кристаном подло. Позволила целовать себя, надеялась, что его поцелуй чудесным образом разбудит мое сердце. И только растравила ему душу. Я должна защитить его и себя от этой ситуации, хочет он того или нет. А значит, другого выхода нет.

Выглянула в коридор, нет ли там Кристана. Его не было, и никого другого – тоже. Посыльный уже не работает. И, как в первый вечер после кончины Касадры, пошла к приемной ректора.

На обратном пути опять очень хотелось плакать. В голове проносилась вся моя жизнь в академии. Как я поступила, как училась, как начала преподавать. Мелькали лица знакомых, учеников, друзей. Но я сдерживалась.

Был еще один вариант – просто участвовать в отборе. Но тогда ментальная проверка раскроет, кто я на самом деле, и меня либо незаметно сотрут с лица земли, либо я окажусь в застенках как объект для экспериментов или узница.

Жить хотелось. А значит, уйти из уютной привычной академии в большой мир – не самое страшное, что может быть. Нужно подготовиться к устройству на другую работу (вопрос: какую?), новой жизни и новым привычкам. Здесь нет места слабости и слезам.

Я как-то вся подобралась и вернулась к себе почти бодрая. В груди растекалось облегчение.

Уйти из академии больно. Это конец огромного этапа в моей жизни. Но это правильное решение. Оно сохранит мне

и жизнь, и чистую совесть. Главное, чтобы ректор удовлетворил мое прошение об увольнении.

Утром за мной зашел невыспавшийся, с красными глазами Кристан, с ним двое наших друзей: Виктор и Тэя – земной маг и водная волшебница. Вчетвером мы отправились на площадь Высшей Магии, где должна была пройти церемония прощания с Касадрой.

О произошедшем вчера мы с Кристаном не говорили. Оба старались вести себя как ни в чем не бывало. Но напряжение притаилось в каждом из нас. К тому же мне еще предстоит сознаться ему и остальным, что уже написала заявление об увольнении.

Площадь Высшей Магии была самой большой в столице. Гора, в которой располагалась академия, подковой окружала долину, выложенную плиткой. Это место и называлось площадью Высшей Магии. Здесь проходили самые торжественные мероприятия академии.

Там, где площадь была ограничена стенами гор, по кругу располагался амфитеатр, там собрались сотрудники и adeпты академии. Прибывали и другие знакомые Касадры.

Прямо в центре площади высился постамент, на котором лежало тело усопшей. Мы устроились среди других водных и земных на заднем ряду амфитеатра, оттуда ее почти не было видно. Лишь традиционное белое платье и силуэт сухой старой женщины.

Я ощущала, что рядом много магии: многие магически

«приближали картинку», делали свое зрение острее, чтобы лучше увидеть усопшую и все, что творится на постаменте. Что за интерес у людей к мертвым, подумалось мне, обязательно нужно увидеть пустую оболочку, словно она еще имеет какой-то смысл. Впрочем, наверняка они смотрят не на нее.

У изголовья постамента стоял Герат, справа от него высокий мужчина средних лет со светлыми волосами в бордовой мантии – король Статир, сильнейший маг нашего государства. Торжественный вооруженный караул в ногах Касадры и по периметру несколько близких ей людей.

На них все и смотрели...

Я тоже провела рукой по глазам, чтобы видеть лучше. Интересно, как выглядит ректор на похоронах своей Великой.

Он стоял, как всегда, собранный и величественный, словно был высечен из камня. Черная одежда облегла крепкую фигуру. Волосы аккуратно зачесаны назад, так что видно строгий, рельефный лоб. Лицо его казалось невозмутимым, но в складке губ и в глазах под нависшими бровями притаилась боль. Неужели ему все же больно расставаться с ней? К чему тогда этот срочный отбор? Разве человеку, потерявшему близкого, не нужно время пережить утрату?

Впрочем, сейчас даже не хотелось гадать об этом. Потому что сдержанное выражение лица нашего ректора вызывало... уважение. Почтение к неведомым чувствам мага, потерявшего ту, с кем прожил три столетия.

Церемония началась с торжественной музыки. Потом говорил король – о том, сколько Касадра сделала для академии, а значит, и для страны. Выступили еще несколько высокопоставленных друзей почившей.

Герат говорил последним. Я ожидала чего-то подобного словам короля – о ее роли в академии и величии, но прозвучало другое.

Герат задумчиво смотрел на лицо почившей напарницы, вокруг царила полная тишина. Потом раздался его голос, усиленный магией, слышимый каждому на площади.

– Касадра, ты была воздухом, которым мы дышали. Ты скрывалась в стенах академии, незримо присутствовала в аудиториях. Ты незримо была во всем, ведь ты жила академией целых восемьсот лет. Она была твоим воздухом, а ты – ее. Ты была ураганом, что раздувает жажду знаний в душах. Ты умела заставить идти туда, куда страшно пойти, ты заставляла искать то, что не может быть найдено. И мы шли туда, и мы находили, несмотря на всю невозможность. Ты была матерью академии. Той, что смотрит на выросшее дитя и улыбается, видя его успехи, или качает головой, видя его шалости. И сейчас наш мир осиротел, утратив тебя, – он немного помолчал под взглядами тысяч людей, и в этот момент тишина вокруг стала особенно глубокой и сокровенной. Каждый ощущал, что ректор говорит искренне. Потом продолжил: – Ты была и моим ветром. То легким бризом, то ураганом. И мой огонь горел сильнее благодаря тебе. Благо-

дарим тебя, Касадра Ванми. В добрый путь!

Он поднял руки, и сноп пламени ударил в тело Касадры. Оно запылало в магическом огне, устремленном в небо. Король отшатнулся, а Герат сложил руки на груди и так же задумчиво смотрел туда, где сгорало тело его Великой. Со всех сторон вновь полилась музыка.

Сердце разорвалось. Я не могла отвести взгляд от его высокой фигуры. Что чувствует человек, своими руками предавая огню ту, с кем он был близок три столетия?

Пламя погасло, остался лишь пустой каменный постамент, и Герат первым стал спускаться по ступенькам. А я так и не могла оторвать взгляд.

Я ухожу из академии, и в моей жизни закончилась эпоха. В его жизни тоже закончилась эпоха. Та, что называлась Касадрой Ванми.

– Илона, пойдем! – Кристан потянул меня за руку.

Глава 8

После церемонии прощания по всей академии проходили торжественные поминальные обеды. Водный и земной факультеты собрались в большом зале. Конечно, все говорили о ректоре, о короле, о том, как прошла церемония, о предстоящем отборе, а не о Касадре.

От Лариссы и других свидетелей произошедшего в коридоре разошелся слух, что я – третья приглашенная с водного и что у меня активная переписка с ректором. Слух сводился к тому, что «ректор бежит за Гварди, чтобы она пошла на отбор, а она не хочет». В чем-то даже лестно для меня. Только вот косые взгляды Лариссы и других молодых сотрудниц не радовали. К тому же на девушку, не желающую принять участие в ректорском отборе, смотрели как на ненормальную.

Впрочем, границ вежливости никто не пересек.

С бокалом в руке я скользнула к выходу. Все формальности я соблюла. Можно пойти домой, все равно занятия на сегодня отменили. Только вот... наверное, нужно поставить в известность Кристана и других друзей, что я увольняюсь.

Не трусь, Илона, это в любом случае нужно сделать. Не откладывай.

Я подошла туда, где Кристан разговаривал с Виктором и Тэей.

В этот момент дверь в зал открылась, и вошел секретарь

Герата. Несколько секунд он отчаянно крутил головой, пытаясь выцепить из множества лиц нужное ему. К моему ужасу, взгляд его остановился на мне.

– Тарра Илона Гварди? – широко улыбаясь, сказал он мне. – Вас вызывает ректор. Он сказал – немедленно.

Сердце ушло в пятки. Все-таки будет чинить мне препятствия! К тому же слишком многие это слышали. Теперь несуществующую связь с ректором станет невозможно отрицать.

Впрочем... может, это просто разъяснительная беседа на прощание? Но перед приемной ректора сердце колотилось как бешеное. Я то краснела, то бледнела.

Секретарь открыл передо мной дверь...

Герат стоял напротив входа, сложив руки на груди. Лицо его ничего не выражало, только глаза из-под густых бровей на чуть наклоненном лице, казалось, сожгут меня на месте.

Я встала напротив, пока что пройти и устроиться поудобнее мне никто не предлагал.

– Тарра Гварди, – жестко произнес он.

– Таросси ректор, – ответила я.

Странно, но от его режущего тона я начала успокаиваться. Тон недобрый, значит, он по-прежнему ко мне плохо относится. И значит, с большой долей вероятности все же подпишет мое заявление.

Впрочем, когда я слышала у него добрый тон? Разве что во время церемонии прощания он не был таким сдержан-

но-резким, как всегда.

Он расцепил руки и усмехнулся.

– Итак, вы хотите покинуть академию, тарра Гварди? – взял со стола бумагу, в которой я узнала свое прошение, и несколько раз помахал ею в воздухе, как будто хотел, чтобы я хорошо ее разглядела.

«Хоть бы сесть предложил, поганец твердокаменный», – подумала я.

– Присаживайтесь, – властно сказал он, словно не сесть предлагал, а хотел припечатать меня к креслу.

Я села в предложенное кресло. Ректор остался стоять. Облокотился на краешек стола, снова сложил руки на груди и пристально посмотрел на меня.

Отвратительно. Если бы он хотя бы сел... Когда он стоял, а я сидела, взгляд сверху вниз просто придавливал. Да что это вообще такое! Я пришла отстоять себя. Я незаметно сжала подлокотники. Не позволю тебе, Герат, издеваться надо мной. Ты подпишешь прошение. И все. В тебе больше не будет никакой власти надо мной.

– Да, таросси ректор, я хочу уволиться, – сказала я твердо и подняла взгляд на него. Удивительно, но обычного пренебрежения в его глазах я не заметила. А может, оно и вовсе чудилось мне все это время, пронеслась непрошенная странная мысль. – Я в состоянии передать дела другим сотрудникам кафедры за пять дней. На шестой день я хочу быть уволенной из академии по собственному желанию.

– Понятно, – кивнул ректор. Краешек рта скривился в легкой, едва заметной усмешке. – Мне ясны причины вашего увольнения. Более того, я мог бы подписать это прошение, несмотря на его абсурдность. Но есть некоторые причины, мешающие нам с вами это сделать.

«Козел-бюрократ! – подумала я. – Ну и что ты выдумал! Неужели так хочется настоять на своем?!»

– По закону я имею право уйти в любой момент, – вежливо ответила я, но внутри зазвенела тонкая нить тревоги. Если он сказал «есть причины», значит, они действительно есть. Или он создаст их.

– По закону вы, тарра Гварди, – он вдруг понизил голос, и в нем засквозили приятные бархатные нотки. А в бордово-карих глазах читалось понимание. Так взрослый смотрит на ребенка, когда не подает вида, но понимает все его замыслы и шалости. – Вы можете уйти в любой момент, если выполнили все административные и финансовые обязательства в отношении академии. Вы читали договор, прежде чем подписать, когда устроились на должность младшего преподавателя?

Я поняла, что неудержимо краснею. Читала ли я договор? Как и многие, я его лишь просмотрела. Поэтому деталей я могла не помнить...

– Вероятно, вы забыли некоторые моменты, – сказал Герат. Обернулся, взял со стола еще одну бумагу и протянул мне. – Просмотрите пункт о заработной плате, предоставля-

емых бонусах и материально-финансовых обязательствах.

«Гад ты паршивый!» – подумала я и растерянно взяла договор.

– Впрочем, можете не утруждать себя. Я объясню вам суть, раз вы успели забыть, – сказал Герат, и я действительно не стала читать. Была уверена, что каждое его слово соответствует сказанному в договоре. Этот паршивец в состоянии не соврать, но рассчитать и предусмотреть все. – Итак, тарра Гварди, во время обучения вы были стипендиаткой академии. Стипендия позволяла вам содержать себя в период обучения. Она была безвозмездным даром академии талантливым адептам. Однако, – его голос зазвучал как будто издалека. Я уже знала, о чем идет речь, – академия предоставила вам бесплатное жилье и оплачивала весь процесс обучения – процент заработной платы преподавателям, расходные материалы. Обучение на водном факультете, кстати, недешевое. То есть вы находились на полном пансионе академии. Если бы вы покинули ее после обучения, то должны были бы в течение нескольких лет или десятилетий возместить академии затраты на ваше обучение из средств, что вы стали бы зарабатывать магией в другом месте. Однако вы стали сотрудником академии, и этот «долг» небольшими порциями вычитается из вашей зарплаты. Вы понимаете меня, тарра Гварди? Я обреченно кивнула.

– Соответственно, согласно договору, подписанному вами пять лет назад, в случае срочного увольнения по собствен-

ному желанию вы обязуетесь либо сразу выплатить академии оставшийся долг, либо работать в стенах академии до тех пор, пока отчисления (вы можете увеличить их объем) не покроют прежние траты учреждения.

– Но разве нельзя выплатить в рассрочку после увольнения? Как если бы я ушла сразу после окончания? – спросила я, хоть и понимала – это все равно что спрашивать у голодного дракона, может быть, он все-таки не будет меня есть.

– Внезапный уход ценного сотрудника – неприятное событие для академии, – усмехнулся Герат покровительственно, мне даже почудилась доля сочувствия в его голосе. Хищник так сочувствует жертве, прежде чем проглотить ее? – Поэтому обычно в качестве возмещения требуется единовременная выплата. Решение о возможности рассрочки принимает администрацией в отношении конкретных случаев. В вашем случае, Гварди, это решение принято не будет, – он словно припечатал меня.

– Да почему же?! – я вскочила на ноги. Больше всего мне хотелось заехать по его красивой физиономии. – Может быть, вы, таросси ректор, не позволите?! Почему?!

Глаза Герата сверкнули ответным пламенем.

– Да потому, тарра Гварди, что ваше решение уйти – идиотское и необоснованное! – резко бросил он.

Глава 9

– Необоснованное?! – почти крикнула я. – А что мне еще прикажете делать, если вы отклоняете все попытки не попасть на отбор?!

Показалось, что из глаз Герата вылетели настоящие молнии. Запахло дымом – несколько бумажек на столе начали тлеть. Магические светильники в люстре загорелись ярче. Вспыхнули у стены две свечи.

Ректор тут же поднял руку, и все погасло. А мне стало страшновато. Когда-то я думала, он хорошо владеет собой. Но сейчас в этом появились сомнения. Неужели вопрос, окажусь ли я в отборе, так сильно трогает его? Почему я вызываю у него такой гнев?

Но и меня было уже не остановить. Плотину прорвало.

– Почему вы не отпускаете меня?! Почему издеваетесь?! Чем я вам так не угодила? Неужели действительно тем, что я сирота без больших денег и связей?

А вот Герат, похоже, взял себя руки. Он пожал плечами и скрестил руки на груди, с насмешкой глядя на меня.

– Я тоже сирота, – спокойно ответил он. – И у меня тоже когда-то не было денег и связей. Не вижу в этом причин для антипатии.

Опять он дал мне пощечину. Стало немного стыдно. Я ведь никогда не задумывалась о его происхождении. Отку-

да он, как попал в академию. Для молодых магов те, кому исполнилось несколько сотен лет, казались кем-то вечным. Мало кто задумывался об их личной истории. Ректор Герат словно был всегда, родился в академии, жил здесь, стал и оставался ректором.

– Я не знала, простите, – сказала я искренне. – Но за что тогда? Чем я так вам не понравилась с самого начала?

Я успокоилась. Теперь было грустно и немного стыдно.

– Вы считаете, не понравились? – одна его бровь пошла вверх в наигранном недоумении. – Что ж, я могу сказать, что мне не нравится, – и вдруг стал совершенно серьезен, – в водных вроде вас. Ваше ожидание, что если вы одинокая сирота, то все должны войти в ваше положение, помочь. Ожидание, что все вокруг должны быть такими добрыми и милосердными. Все остальное вы осуждаете и презираете. А некоторые люди, тарра Илона, не такие. Они просто такие, как есть, и думают о своих интересах или интересах дела больше, чем о ваших. Когда вы были юной абитуриенткой, да и сейчас... вы так и не понимаете этого и ждете доброты и милосердия вместо справедливости и следования закону. Больше ничего против вас не имею, – закончил он, чуть усмехнувшись. – Впрочем, вопрос некорректный. Это я должен спросить, чем я так вам не нравлюсь, что вы готовы уволиться из места, ставшего вам домом, только бы не пойти на мой отбор. Я противен вам? Вы не просто не хотите стать Великой – вы избегаете любой возможности оказаться на отборе! Все

что угодно, только не стать Великой при таком ректоре, все что угодно, только не делить с ним жизнь и постель?.. Так, тарра Гварди? Ответьте! – бордовые глаза опять сверкнули, и я опасливо оглянулась, не загорелось ли что-нибудь.

Я опустила глаза. Я бы пошла на ваш дурацкий отбор, тарроси ректор. Провалила бы одно из испытаний, но я не упиралась бы настолько, если бы не проклятая ментальная проверка. Не так уж я вас ненавижу. Я бы вытерпела один или два тура.

– Вы были справедливы ко мне, – сказала я. – Но говорили... вели себя со мной жестко и высокомерно.

– Что еще раз подтверждает мою правоту по поводу ваших ожиданий, – бросил он. – Что еще? Может быть, вы так самоуверенны, что рассчитываете выиграть? Тогда вы потеряете возможность выйти замуж по любви. Может быть, вы мечтаете о большой любви, молодая тарра? Кстати, сядьте снова, не мельтешите.

Я внезапно осознала, что все так же стою, как перед барьером в драке. Выдохнула и села обратно в кресло.

– Да, я хотела бы выйти замуж по любви, – ответила я. – Победа в отборе любую лишит этого шанса.

– Если только Великая не полюбит своего Великого магистра, – сказал Герат. Великий магистр – таким был официальный титул ректора. И просто Великая – для его напарницы. – Считаете, меня невозможно полюбить, тарра Гварди? Вообще думаете, что любовь так важна, – он усмехнулся. –

Поверьте мне, иногда достаточно страсти. А страсть я обеспечу.

Он сделал едва заметный шаг ко мне, горящие глаза, словно касаясь, пробежались по моей фигуре. По груди, укрытой тонким темно-синим шелком, по рукам, по краешку туфли, торчащему из-под платья.

Сладкий жар волной прошел по телу, как будто он на самом деле прикоснулся ко мне. И как будто... он был для меня привлекателен – до безумия, до судорожного порыва. Мир поплыл перед глазами, взгляд сфокусировался лишь на его сильной высокой фигуре, на твердом лице, которое вдруг захотелось целовать, зарываясь руками в густые волосы. Как я раньше не замечала, насколько он красив, силен и привлекателен! Какая у него, должно быть, горячая кожа, как он, уверена, может обнять – так, что все исчезнет в горячем вихре.

Я сглотнула.

Ах... да, особая магия огненных. Способность вызывать влечение к себе у любой женщины, будь она воздушная или водная. Хорошо, что те огненные хулиганы из моей юности этого еще не умели.

Я закрыла глаза и представила, как прохладный водопад смывает томление, вымывает из головы мысли об этом мужчине. Когда совсем отпустило, открыла глаза.

– Перестаньте, – сказала я. – Это нечестно, плохо и оскорбительно.

– Зато лишний раз показывает, насколько вы сильны, тарра Гварди, – усмехнулся. От него не укрылась ни моя первая реакция, ни то, как я смогла заблокировать воздействие. – Я не ошибся в вас. Итак... – Он обернулся к столу, взял в руки мое заявление. – Итак, либо единовременная финансовая компенсация академии, и можете писать прошение снова, либо вы остаетесь и участвуете в отборе. А пока... – он внимательнее посмотрел на бумагу, и она загорелась по краям.

– Да что вы делаете?! – воскликнула я.

– Это всего лишь бумага, что вы разволновались? – поднял брови он.

Листок быстро догорел в его руке, ректор растер в пальцах пепел и пощелкал ими, чтобы стряхнуть.

– Вы ведь знаете, что у меня нет этой суммы! – сказала я с укором. – Что вам стоит назначить рассрочку?!

– Я должен проявить милосердие, тарра Илона? Должен пожалеть вас, вместо того чтобы следовать букве закона и поступить согласно своим интересам? – произнес он насмешливо.

– Это было бы правильно! Зачем, ну скажите, зачем я вам на отборе! Я ведь водная... и не самая слабая. Зачем вам столько воды?!

– Зачем вы мне на отборе? – он усмехнулся, но без всякого презрения или высокомерия. – Я просмотрел список кандидатов, предложенный помощниками. Нескольких вычерк-

нул. Ваши же данные меня полностью устраивают. Знаете, тарра Илона, я искренне хочу, чтобы новая Великая была сильной, талантливой и способной к административной работе. Еще она, разумеется, должна быть привлекательна для меня как женщина. Вы подходите по всем пунктам, не вижу никаких причин снимать вас с отбора. У вас прекрасные показатели, а вашу силу и способность ее направлять я видел еще в те разы, когда вы очень мило облили меня водой, – и снова краешек губ пополз изображая усмешку. – Что касается воды... Знаете, – он вдруг посмотрел на меня чуть искоса, немного лукаво, – я три сотни лет жил с воздушной. И сыт по горло. Я хочу попробовать что-то новое. Мне интересно. Если на отборе будете вы, то мне, по крайней мере, не будет скучно среди множества девушек, мечтающих не столько о том, чтобы стать Великой, сколько о моем расположении.

– Ах вот как! – вырвалось у меня. – Предлагаете мне противостояние, хотите развлечься, таросси ректор? Я вас привлекаю тем, что не хочу повиснуть у вас на шее?

– Не противостояние, я не воюю с... детьми, – ответил он. – Скорее, игру. Я не обещаю, что вы станете Великой. Но вам самое место на этом отборе.

– Очень лестно, таросси ректор, – ехидно ответила я. – Но не слишком убедительно. А как быть с тем, что я не хочу проходить отбор? Считаете, нормально тащить меня в него против желания?

– Не хотите? – на этот раз он почти рассмеялся. – Я в этом

не уверен. Если бы вы действительно не хотели, вы бы вели себя по-другому, – его взгляд сверкнул.

– Разумеется, не хочу! Как еще я должна была себя вести, по вашему мнению?

– Например, тарра Гварди, – он заговорщицки понизил голос и чуть склонился в мою сторону, – вы могли бы прийти на отбор, но провалить первое же испытание. Уверен, при ваших талантах пройти его плохо вам было бы несложно. Вы могли не явиться на ментальную проверку. Конечно, мы бы предприняли еще несколько попыток привлечь вас к ней, но в итоге я бы просто уволил вас за многократную неявку. Вы ведь хотите быть уволенной?. Но вы принялись писать мне эти ваши... официальные прошения. Заставили обратить на вас особое внимание. Распалили, можно сказать, мой огненный дух, – то ли улыбка, то ли усмешка. – Пробудили все эти огненные хищные инстинкты не хуже любой воздушной. Не находите, что вы вели себя как кокетливая женщина, которая лишь демонстрирует нежелание, а сама желает, чтобы ее поймали?

Я сжала кулаки. Это уже слишком оскорбительно.

– Это слишком, – сказала я. – Неужели вы полагаете, что после этих слов я добровольно пойду участвовать в вашем дурацком конкурсе? Я делала то, что пришло мне в голову и что казалось правильным.

– В таком случае, тарра Гварди, ваш разум и ваша душа не понимают друг друга, – снова наигранно-заговорщицкий

тон. – И да, я полагаю, что вы придете на отбор. В сущности... Жду вас на отборе. Или найдите двенадцать тысяч девятьсот пятьдесят два париссо, что вы должны академии.

Я встала.

– Не извольте беспокоиться, таросси ректор. Я найду деньги.

Развернулась и направилась к двери, кусая губы. Эту битву ректор выиграл. Загнал меня в угол, пришил к стене и смотрит, как я машу крылышками не в силах вырваться. Но мы еще посмотрим.

– Я не позволял вам уйти! – вдруг рявкнул он.

Я остановилась, сжимая и разжимая кулаки. Да, беседу с вышестоящим, по уставу, мог закончить только вышестоящий.

– Я сочла, что вы уже все мне сказали, – ответила я.

– Не все. Тарра Илона, у вас все еще были шансы вылететь с отбора, не пройдя первое же испытание, но я начинаю думать, что на самом деле вас волнует другое, – он привычно усмехнулся. – Вы что-то скрываете и опасаетесь ментальной проверки.

У меня похолодели руки. «Вот и все», – пронеслось в голове. Сейчас он выведет меня на чистую воду. Показалось, что я вышла из тела и смотрю на происходящее со стороны.

– Нет, с чего вы взяли? – как можно более непринужденно ответила я. – Что мне скрывать, таросси ректор?

– Не знаю, – пожал плечами он. – Вероятно, что-то из сво-

его прошлого. Впрочем, проверку можно устроить и без отбора. В случае подозрений я могу назначить ее в любое время и привлечь лучших специалистов с ментального факультета. Неизвестно, что лучше. Быть одной из многих или привлечь к себе пристальное внимание. Не находите, тарра Гварди?

«Будь ты проклят, таросси ректор!» – подумала я. Меня рывком закинуло в тело, я поняла, что сжимаю и разжимаю кулаки, а бледность на лице сменяется краской.

– Мне нечего скрывать, все данные обо мне были указаны при поступлении в академию, – бросила я. – Я решу вопрос с деньгами и больше вас не потревожу, в проверках не будет необходимости. Я могу идти?

– Можете. Приятного вечера, тарра Илона.

– И вам, таросси ректор.

Я медленно развернулась и пошла к выходу, словно боялась, что сейчас он опять меня остановит. Я уже открыла дверь и сделала шаг в коридор, когда услышала вслед:

– Только с чего же вы взяли, что я хочу, чтобы вы больше меня не тревожили? – и отзвуком – усмешка.

Я вылетела в коридор, захлопнула дверь и прислонилась к стене, пытаясь отдышаться. Сердце билось как ненормальное, показалось, что сейчас я позорно потеряю сознание.

«Что же делать?! – судорогой билось во мне. – Он обложил меня со всех сторон».

Глава 10

Я усмехнулась – жестко и цинично, как он. Нужно поставить точку в этой игре с ним.

У меня нет тринадцати тысяч париссо. Собрать по знакомым в долг я просто не успею. Я могла бы только занять их у кого-то одного, у кого есть такая сумма. У близкого друга. Таких людей два в моей жизни. Мэтр Соло. Но стыдно просить денег у старика, да и не факт, что он даст средства на увольнение.

И Кристан. Одно из свойств земных – у них всегда есть деньги. Только как просить у него займы после вчерашнего разговора? Как-то подленько получается.

Нет, не то, что мне нужно. Точка в этой истории должна быть жирной.

Я пожалела Кристана вчера. Проявила ту самую доброту и милосердие, что критиковал ректор. Но Кристан – взрослый парень, знает, что предлагает. В конечном счете фиктивный брак не так страшно.

Нет, не то... пронеслось в голове.

Я не просто заключу фиктивный брак. Я по-настоящему дам Кристану шанс. И спать с ним буду. Разве мне не было приятно вчера, когда он меня целовал? Было. Просто я слишком романтическая девушка. Захотела чего-то необыкновенного, чего, может, и вовсе на свете нет. А есть ситуации,

когда нужно просто выживать. Как я выживала в детстве.

Я сделаю все возможное, чтобы полюбить Кристана и стать ему хорошей женой. Если выехать прямо сейчас, мы с ним еще успеем в Иност к концу «ночи согласия».

Я выдохнула. «Таросси ректор, вы все же довели меня до этого решения! – подумалось мне. – Не оставили выбора».

Нужно только найти Кристана.

Я почти бегом кинулась по коридору.

Торжественный обед еще продолжался. Я заглянула, выискивая глазами Кристана, но его не было. Поймала за рукав Тэю и тихонько спросила, где Кристан. Она ответила, что он ушел к себе.

Я побежала в северный отрог, где жил Кристан. Коридоры сменяли друг друга. Иногда я встречала знакомых, удивлявшихся, куда я бегу. Раскланивалась с ними и бежала дальше.

Наконец я повернула последний раз, вот здесь его дверь. А вот и Кристан!

Я остановилась, глядя ему в спину. И замерла. Не сразу поняла, что происходит. Темно-коричневый камзол обтягивал мощные плечи, а по ним елозили тонкие ручки. Правой рукой он прижимал к бедру ногу маленькой девушки, которую увлеченно целовал, притесняя к двери.

Какое-то время тупо смотрела на них, не понимая, что мне делать. Нет, конечно, после моего отказа Кристан имеет право на... что угодно, да и всегда имел. Я только обрадовалась бы, что у него появилась девушка.

Но как не вовремя! И почему-то больно, что после вчерашних слов любви и обещаний, он так запросто целует другую с прямо-таки огненной страстью.

Тихо, чтобы они меня не заметили, я сделала шаг за угол, прижалась к стене и, зажимая себе рот рукой, заплакала. Обложили со всех сторон. Не оттаскивать же Кристана от девушки со словами: «Дорогой Кристан, я передумала. Оторвись от девушки, как, кстати, вас зовут, милочка?.. А, Милена, замечательно... Вам придется подождать. Потому что сейчас мы с Кристаном должны сгонять в Иност, чтобы заключить брак».

Слезы сами собой превратились в истеричный смех, который я гасила, утыкаясь лицом в ладони. Чуть успокоившись, снова выглянула за угол. Их не было. Они уже в комнате Кристана.

Я обреченно побрела обратно по коридору. Куда? Домой, наверное. А потом на отбор.

Но на полпути остановилась. Если сейчас пойду домой, это будет значить, что я сдалась.

Свернула налево и направилась в центральную лабораторию общей магии. Наверняка декан этого факультета, то есть мэтр Соло, тоже сбежал с торжественных мероприятий.

Да, старичок действительно был на месте. Седобородый, маленький, уютный – он напоминал добродушного гнома, – сидел за столом, обложенный кучей бумаг, на которых записывал результаты экспериментов. Чуть подальше стояли

колбы, валялись бруски дерева.

– О, моя водная девочка! – улыбнулся он. – Давненько тебя не видел! Что случилось? На тебе лица нет!

– Мэтр Соло, – я поняла, что выдумывать ничего не буду. Тут либо говорить правду, либо просто не начинать разговора. – У вас есть деньги в долг? Тринадцать тысяч. Ненадолго, пока я не заработаю их. Я смогу быстро.

– Уверен, что сможешь, – улыбнулся Соло. – Только вот зачем тебе такая сумма?

– Я хочу уйти из академии, для этого нужно выплатить долг за мое обучение.

– Значит, Герат все-таки прижал тебя со своим отбором, – серьезно сказал он, отложил перо и задумался, глядя перед собой.

Я обомлела. Значит, мэтр Соло что-то знает о намерениях ректора? Герат когда-то был учеником мэтра Соло, то, что ректор с почтением относится к пожилому декану, – ни для кого не секрет.

– Ты садись, Илоночка, – мэтр указал на стул возле стола с колбами и деревяшками. – Напугал тебя чертяка, да? Жестко да резко говорил, стервец огненный? – продолжил мэтр. – Так?

– Ну да, так и есть! – Я не могла не рассмеяться в ответ на тираду старичка. – Не то чтобы напугал... Но он требует участия в отборе, даже уволиться не дает.

– Упрямый, да-а... – улыбнулся Соло. – Но это он пра-

вильно – нечего тебе уходить из академии.

– А как еще, мэтр Соло?! – после его слов о «нечего тебе уходить» я поняла, что вряд ли Соло поможет мне деньгами. Особо и не надеялась, просто считала необходимым попытаться. А вот знать что-то о планах Герата он мог. Стоило не обижаться, а поговорить по душам.

– Пойди на отбор, да провали его, раз он тебе противен. Но по мне, если есть хоть один шанс из ста, что Великой станешь ты, нужно его использовать. Нет молодой волшебницы, которая заслуживала бы этого больше! Мне, Илоночка, не денег жалко, – старый маг исподлобья лукаво посмотрел на меня, – на что другое я бы тебе тут же дал! Мне тебя жалко. Такой талант загубить! Ведь нигде, кроме академии, ты не расцветешь, как здесь! А с Гератом договорись как-нибудь по-другому... – Соло взял в руки деревяшку и сосредоточил внимание на ней. Мол, я все сказал. Эту манеру старого мэтра я хорошо знала и улыбнулась про себя.

– Он приходил к вам, говорил про отбор и про меня? – спросила я.

Соло покачал головой и вздохнул, словно я собиралась выпытать у него государственную тайну.

– Приходил, да. Чаю хочешь с пирожными? Сейчас наколдую, – не дожидаясь ответа, Соло заставил небольшую вазочку из шкафа приплыть по воздуху и встать передо мной. В вазочке были мои любимые маленькие бисквиты со взбитыми сливками. Вслед за ней прилетели две чашки и чайник

с заваренным чаем.

Но мне кусок в горло не лез.

– Пей, Илоночка, он успокоительный. Хоть немного в себя придешь после этого огненного чертяки, – улыбнулся мэтр. – А вообще, тебе привыкнуть нужно к его манерам. Ничего в них нет страшного.

«Нет, зубы вы мне не заговорите». Я заставила себя отпить несколько глотков травяного чая.

– Ну так приходил к вам чертяка этот, так? – продолжила допытываться я.

– Про тебя расспрашивал. Пришел весь такой деловой, как он бывает, сел тут у меня на краешек стола и давай то серьезно, то со смехом и шутками-прибаутками – он вообще-то пошутить любит – рассказывать, что есть у него в отборе одна упрямая водная красавица. Имени не называл, но я сразу понял, о ком речь. Ну а потом он и сам сказал, что Гварди, и расспрашивал о тебе.

– А что расспрашивал? – жадно спросила я. Совершенно не понимала, как воспринимать странный визит ректора к Соло. Ну не поверить же в то, что у ректора возникла ко мне внезапная страсть?

– Да что? – улыбнулся мэтр Соло. – Что ты за человек, как живешь, чем занимаешься, с кем общаешься... Про парня твоего разузнал.

– У меня нет парня! – вырвалось у меня.

– Ну, прости, я не знал. Тот высокий, здоровенный земной

с каменным лицом, я думал, он твой парень, вечно рядом с тобой ошивается.

– Это мой друг, – ответила я, а про себя горько усмехнулась. – А ректор не сказал, чего он вдруг так мной заинтересовался?

– Я так понял, потому что ты его атаковала бумагами. Ему стало интересно, что за барышня такая. К тому же... почему бы ему не интересоваться тобой время от времени, ты ведь, считай, была его подопечной... Ой!

Мэтр Соло виновато опустил глаза, словно действительно сболтнул государственную тайну.

– Подопечной? – изумилась я. – Вот вашей подопечной я была! А он тут при чем?

Соло отпил чаю, взял мою руку и положил пирожное мне на ладонь.

– Съешь, Илоночка, небось весь день на нервах, не ела ничего...

– Мэтр Соло, – я с укором посмотрела в хитрые глаза пожилого мага. – Скажите правду. Почему вы назвали меня его подопечной?

– Ладно. Видит Бог, я не хотел этого рассказывать, Герат, – сказал мэтр, словно ректор сидел рядом. – Но, похоже, пришло время.

Глава 11

Мэтр оставил свой хитрый тон и продолжил совершенно серьезно:

– Если помнишь, в начале второго семестра тебя перевели на водный факультет. Якобы была отчислена одна из стипендиатов, и ты смогла занять ее место.

– Да, я так и не смогла узнать, что это была за девушка. Мне всегда казалось это странным!

– И правильно казалось, потому что никакой отчисленной стипендиатки не было. Была отчислена прогульщица из платных. Но это не освобождало средства для стипендии.

– И что произошло? Неужели ректор выделил дополнительную стипендию для меня?! – догадка лежала на поверхности, но поверить в это было сложно.

– Еще интереснее, – мэтр Соло понизил голос, словно нас могли подслушивать. – Он пришел ко мне и сказал, что эта девушка должна учиться на водном. Выделить лишнюю стипендию из средств академии почему-то трудно. Поэтому... Илоночка, только не утопи нас, когда узнаешь! Он будет платить за твоё обучение, пока не освободится официальная стипендия. Меня попросил организовать все так, словно тебя перевели на освободившееся место. И платил за твою учебу из своего кармана два года, пока одна из стипендиатов действительно не вылетела.

– Не может быть... – прошептала я и обессиленно подперла голову рукой. Мир и представление о важных фигурах в нем перевернулись. – Почему вы мне не рассказали, мэтр Соло? Я ведь ненавидела его все эти годы!

– Он попросил, – пожал плечами мэтр. – К тому же он уже один раз пытался дать тебе денег, вспомни, как ты отреагировала! Потому, видимо, решил сохранить все в тайне, берег твою... гордость.

– Да, я его не просила об этом! – горячо сказала я.

Первый шок прошел, и я поняла, что жить в перевернутом мире странно и стыдно. Выходит, я всем обязана человеку, который высказал мне столько презрения?

Именно он три раза определил мою судьбу. На вступительном экзамене, когда дал шанс поступить, несмотря ни на что. Когда не отчислил за «душ» под аркой. И когда оплатил мою учебу на водном из собственного кармана.

Я понимала, что мое сердце должна заливать благодарность к нему.

Благодарность я ощущала. Но одновременно чувствовала смесь стыда и возмущения.

И ведь не пойти на отбор к человеку, которому ты обязана всем, намного сложнее, чем к жестокому и высокомерному тирану. Это уже будет как плевок ему в лицо.

Я встала.

– Мэтр Соло, благодарю за информацию!

Старичок кивнул.

– Подумаешь, прежде чем, теряя туфельки, бежать из академии? Может, с Гератом можно и как-то по-другому. И относится он к тебе... куда лучше, чем ты думаешь.

– И как же относится? И зачем ему было помогать мне? Может быть, это он попросил вас рассказать правду именно сейчас?

Соло рассмеялся.

– Нет, до такого мелочного расчета наш Герат не опускается! Просто вам обоим полезно, чтобы ты узнала. Как относится к тебе? Я бы назвал это сильным интересом. Наверное, из-за него он и решил помочь тебе. А может, из сочувствия, понимания твоей ситуации, что бы он сам ни говорил.

– Он сказал, что, если ты сирота, это не дает тебе права ждать помощи от других. Странно, ведь он и сам сирота.

– Видимо, воспитывал тебя, – усмехнулся Соло. – Иными словами – присмотрись к нему, а не руби сплеча. Куда ты бежать-то собралась?

– К ректору, мэтр Соло! То, что вы мне рассказали, секрет?

– Ну-у... Я не давал клятву на священных книгах Зоара унести тайну в могилу, – улыбнулся мэтр Соло.

– Тогда, думаю, нам с вашим Гератом пора поговорить начистоту, – улыбнулась я, демонстрируя оптимизм и браваду, которых на самом деле не испытывала. Скорее ощущала крайнее недоумение от коктейля эмоций, что бушевал у меня в груди. И несмотря ни на что, я все еще испытывала же-

ление заехать по красивой физиономии Герата.

Второй раз за этот вечер я бежала по коридорам академии. На этот раз – к ректору. Посмотрим, что получится. В любом случае ему придется объясниться. И я поставлю его в известность, что однажды отдам ему личный долг.

Еще плохо представляла себе, как именно прижму к стенке Великого магистра, но собиралась сделать это во что бы то ни стало! Ведь мне нужно и выразить ему свою благодарность, и отстоять себя. Ну и узнать правду, потому что, похоже, я была объектом его внимания давным-давно.

На полпути меня все же начали одолевать сомнения. Я остановилась отдышаться

Главное, что нужно сейчас, это сохранять собственное достоинство. И не придумывать романтических историй, что ректор Герат питает ко мне нежные чувства. Не дать мыслям устремиться в эту сторону. Все, что сделал ректор, скорее всего, определялось моей силой. Он видел ее, дважды испытал на собственной шкуре. И это сподвигло его дать возможность сильной талантливой магичке выучиться.

Ничего личного. Он действовал в интересах академии. Если даже Кристан нашел утешение на следующий день после слов любви и верности, не стоит думать о мужчинах слишком романтично.

Возле приемной никого не было, ведь никто не осмелится потревожить ректора в день похорон его Великой. Только я прибежала, нахальная водная. Для смелости я глубоко

подышала.

Постучалась к секретарю.

– Таросси Квин, таросси ректор случайно не у себя?

– У себя, но не принимает. Я передам ему, что вы пришли.

Вдруг сделает исключение.

Я устроилась на диванчике в коридоре и с громко бьющимся сердцем принялась ждать. Вот чего я сюда пришла? Хочу, чтобы он еще раз размазал меня и унизил?

А то, что хочу предложить ему, – слишком рискованно. По сути, я собираюсь рискнуть своей жизнью, пойти ва-банк. Да нет, успокаивала я себя. Теперь все изменилось. Теперь я знаю, что он не чудовище и не жестокий человек. Он даже великодушен и по-своему благороден. Его поведение это доказывает, какими бы ни были его слова.

Спустя пару минут Квин выглянул и указал на соседнюю дверь, за которой располагался кабинет Герата.

– Он сказал, что примет вас, но очень быстро. Будьте любезны изложить свой вопрос в сжатой форме.

«Паразит! А просто принять меня он не может?! Нужно напугать и поставить какие-то условия...» Но я одернула себя. Приема у ректора иной раз добиваются неделями. А я прибежала по коридору и, видите ли, рассчитываю, что меня примут с распростертыми объятиями. Пожалуй, стоит вспомнить, что я просто младший преподаватель, а не герцогиня.

Но иной раз это сложно. Ведь по сути я герцогиня и есть.

Когда я вошла, Герат посмотрел на меня со смесью интереса, лукавства и раздражения. Раздражен, что его оторвали от дел, но ему интересно и даже смешно, что я пришла после острого разговора днем.

– Вы нашли деньги, тарра Гварди? Или сменили гнев на милость и готовы оказать мне честь участием в отборе?

– Нет, таросси ректор, я не нашла денег. И я по-прежнему не хочу участвовать в отборе. Я пришла поблагодарить вас и задать вопрос. И возможно – попросить вас.

– Поблагодарить? Задать вопрос? Попросить? – его брови насмешливо поднялись вверх. – Слушаю с интересом.

Глава 12

– Благодарю вас, таросси Ванирро, что вы в течение двух лет оплачивали мое обучение. Долг я отдам вам, как только смогу.

– Вот, значит, как! – блеснул глазами Герат и рассмеялся. – Мэтр Соло счел, что вам не повредит узнать об этом?! Тарра Гварди, – с насмешливой вежливостью сказал он, – принимаю вашу искреннюю благодарность. Вам не следует думать о личном долге. Когда будете компенсировать затраты академии, часть автоматически перейдет на мой счет, – я не поняла, чего в его голосе было больше: спокойной серьезности, досады или насмешки. Пожалуй, все же насмешки. Спустя секунду словно пламя резко вспыхнуло в комнате. Герат стиснул руки на груди и резко произнес: – Это все? У меня не так много времени.

– Нет, еще вопрос, – улыбнулась я, хваля себя за смелость. Надо же, можно разговаривать с ним почти на равных, если не переживать из-за каждой его резкой интонации! – Почему вы помогли мне и почему скрыли помощь?

– А помните, что было, когда я предложил вам деньги? – опять вспышка, показалось, сейчас снова что-нибудь загорится. Но Герат держал себя в руках. – Может быть, я не хотел вновь оскорбить ваше чувствительное самолюбие, тарра Гварди?

– Но это ведь совсем другое! – сказала я искренне. – Тогда, на экзамене, это было странно. Ни одна уважающая себя женщина не возьмет деньги в такой ситуации!

– Вы находите? – он усмехнулся. – Тарра Гварди, я знаю множество женщин вашего происхождения, которые возьмут деньги в подобной ситуации и еще худшей. Лишь вы, будучи воспитанницей приюта, бережете свое достоинство так, словно вы по меньшей мере графиня.

«Берите выше...» – невесело усмехнулась я и произвольно вздрогнула. Может, он прав, и королевские замашки у меня в крови? Их так и не вытравили ни пять лет преступной жизни, ни восемь лет в бедняцком приюте.

Но я нашлась:

– А я знаю много женщин беднее и несчастнее меня, которые тоже отказались бы от того золотого париссо!

– Вы удивительно идеалистичны, – усмехнулся ректор. Его тон вдруг стал опять очень жестким и резким. Почти издевательским. – Итак, вероятно, вы решили, что я все же пожалел бедную сироту. Подумали: «Что бы ни говорил этот таросси, на самом деле он исполнен благородства. Он даже счел необходимым скрыть от меня свой добрый поступок, чтобы не задеть мое самолюбие». Так, тарра Гварди?

«Что же ты такой острый!» – подумала я и сжала кулак, ногти врезались в кожу. Эта легкая боль отвлекает от его резкого тона и издевательств.

– Не совсем так, таросси Ванирро, – ответила я. – Сло-

во «пожалел» здесь не подходит. Я полагаю, на самом деле, сколько бы вы ни отрицали... будучи сам сиротой, вы вошли в мое положение. Решили дать шанс. Хотите сказать, нет? – я с легким вызовом посмотрела на него.

Герат неожиданно рассмеялся.

– Не совсем так. Вы напрасно приписываете мне только благородные чувства. Не рекомендую – больно будет разочароваться.

– В чем же тогда дело, таросси ректор?

– Как вы думаете, тарра Гварди, – усмехнулся он, – я знал, что Касадра проживет недолго и мне придется устраивать отбор? Ректор академии, как и король, не может быть ограничен двумя мужскими стихиями. Великая нужна и мне, и академии. И это должна быть сильная Великая. Поэтому я начал готовить отбор заранее. Присматривался к девушкам, что поступали в академию. Некоторые заинтересовали меня. И в судьбу некоторых из них я вмешался, чтобы они смогли занять место, подобающее будущим участницам отбора. Вы привлекли мое внимание сразу. Сила, смелость, пусть и глупая. Приятное бурление чувств, которое доставит удовольствие обтесать. Милая внешность – и не думаю, что все определяется косметической иллюзией, которую вы носите каждый день. Вы подходили. Поэтому я дал вам шанс получить образование, и сейчас вы будете участвовать в отборе. Для этого я вас и предназначил.

Это оказалось на удивление больно...

Вроде бы я не хотела особого отношения от ректора. Но оно все же льстило. Делало меня исключительной. Ситуация, в которой я оказалась, волновала, мучила, но наполняла жизнь. Можно сказать, даже развлекала. Вынуждена признать это.

Но я предполагала, что я у него одна такая! Оказывается – нет. Он просто выбрал несколько девушек и приложил усилия, чтобы они дошли до отбора.

– И много нас таких? Как вы вмешались в жизнь других? – спросила я, едва скрывая горечь.

– Четверо. А кто они и как я вмешался – неважно. Вы бы не захотели, чтобы наш секрет стал достоянием общественности? Так и про остальных я не буду рассказывать. Интересно только... все эти девушки рады участию в отборе. Сопротивляетесь лишь вы. Это делает вас особенно интересной.

– Очень лестно, таросси ректор, – не сдержала ехидства я. Но сейчас мне следует затолкать чувства как можно глубже. Я должна с ним договориться во что бы то ни стало.

Я собралась с силами. Но, видимо, молчала слишком долго, он чуть раздраженно спросил:

– Помнится, вы хотели о чем-то попросить? Начинайте, у меня мало времени.

«Если у вас хватило времени все это мне рассказывать, значит, его достаточно», – подумала я. А вслух сказала:

– Да, таросси Ванирро. Но я хочу не столько попросить. Попросить я могла бы лишь освободить меня от отбора, но

уверена, вы не пойдете на это. Я хочу предложить вам... сделку.

– Сделку? Кажется, я четко обозначил ваше положение. Вы сразу отдаете долг академии. Либо участвуете в отборе. О какой сделке может идти речь?

– Об участии в отборе, – усмехнулась я. Похоже, его манера усмехаться заразительна. – Позволю себе быть искренней. У меня нет денег, и я загнана в угол. Вы это понимаете?

– Разумеется, тарра Гварди.

– Значит, вы осознаете, что поставили меня в безвыходную ситуацию?

– Совершенно верно. Это моя осознанная позиция.

– Но также вы должны понимать, что, оказавшись на нем против воли, я специально провалю первое же испытание. Вы сами предложили этот способ. Вы собираетесь специально завышать мои показатели?

– Разумеется, нет, тарра Гварди! Соревнование будет честным, – Герат крепко сложил руки на груди и смотрел на меня своим огненным взглядом, в котором раздражение смешалось с... уважением.

– Как вы собираетесь обеспечить мое полноценное участие в отборе?

Либо сейчас что-то загорится, либо мне удалось загнать его в ловушку, подумалось мне. Либо он загнан в ловушку, и поэтому что-то загорится.

Но вспыхнул сильнее лишь его взгляд.

– Я осознаю эти риски, тарра Илона, – бросил он, словно плюнул. Пару секунд помолчал. – Что вы предлагаете?

– Предлагаю помочь мне, а я возьму на себя обязательство участвовать в отборе по-настоящему.

– Помочь вам? – краешек губ пополз вверх, но он не усмехнулся. – С чем? Вы просите *моей* помощи?

Я выдохнула. Сейчас все повиснет на волоске. Сейчас все будет зависеть от моей способности играть и быть убедительной.

– Таросси ректор, должна признаться, мое нежелание участвовать в отборе действительно связано – в первую очередь – с ментальной проверкой. Я ее не пройду и не попаду на отбор. Вы в этом не заинтересованы.

Герат посмотрел на меня с любопытством.

– Откровенность делает вам честь, – краешком губ улыбнулся он. – В чем с вами дело? Вы преступница и скрываете это?

Что мне сейчас следовало скрыть, так это громко колотящееся сердце и дрожь в руках. И еще важно от умалчивания не перейти к настоящей лжи. Ректор не менталист, но, уверена, он может отличить правду от откровенной лжи.

– Да, я была преступницей, – подняла на него глаза. – В прошлом. Мои родители – не обязательно ведь упоминать, что приемные родители, – были ворами и мошенниками, а я – их пособницей. С десяти лет я росла в приюте как дочь неизвестных погибших родителей, что указала при поступ-

лении в академию. Но, как только менталисты дойдут до ранних слоев моей памяти, я буду отчислена с отбора. У вас выбор, таросси ректор, либо как-то помочь с этим, и тогда я попаду на отбор. Либо, если вас смущает мое прошлое – для Великой ведь недопустимо подобное происхождение, – отпустите прямо сейчас.

Меня трясло, когда я закончила. Господи, как страшно отдать себя в его руки!

Герат смотрел на меня задумчиво, уважительно и немного насмешливо.

– Вы скрываете свое прошлое и не привыкли доверять никому? – произнес он наконец. – Поэтому вы устроили цирк с прощениями, – в глазах сверкнуло лукавство. – Нет, меня не смущает, что вы были воровкой, – расцепил руки на груди и бросил словно ненароком: – Я помогу вам. Никто не узнает вашей зловещей тайны. А если станете Великой, никто не посмеет заподозрить вас в подобном.

Дрожь отпустила меня, внутри все расправилось. Я хотела сказать «благодарю», но слова застряли в горле. Просто не верилось, что все получилось.

Он бросил на меня взгляд добродушнее, чем обычно:

– Если, конечно, вы в состоянии честно выполнять соглашения.

– Я выполню свою часть сделки, – ответила я. – Благодарю вас! Как вы обойдете вопрос с ментальной проверкой?

– Это не ваша забота, – ответил он. Взглянул на настенные

часы, поднял одну бровь в удивлении. – Вы потратили уйму моего времени. Впрочем... весьма продуктивно.

– Приношу свои извинения...

– Не стоит, тарра Гварди. Лучше послушайте, что я скажу, раз уж вы такой активный поедатель времени.

– Слушаю с интересом, – повторила я его ироничную фразу, сказанную в начале беседы.

Герат улыбнулся.

– Послушайте. Вы идете на отбор, потому что у вас нет другого выхода. Вы не хотите на отбор. Знаете почему? Потому что вы забились в нору и трясетесь от страха, что кто-нибудь лишит вас вашего убогого убежища. Вы не позволяете себе настоящих амбиций. Что ждет вас? Сейчас вы младший преподаватель, потом станете старшим. Самое большее – дослужитесь до должности декана водного факультета. И не сыграете по крупному. Я же предлагаю вам большую игру. Попробуйте! У вас есть шанс. И поверьте: быть *моей* Великой – не самая плохая участь, что бы вы об этом ни думали. И кто знает, может быть, вы войдете в историю, маленькая тарра Гварди.

Теперь в его взгляде был только лукавство и обычный огонь. Ни презрения, ни раздражения, ни насмешки.

– Благодарю за предложение и совет, – вежливо ответила я. А сама ощутила, как от его слов мои плечи распрямляются, словно я вошла в бальный зал под взглядами сотен людей.

Он прав!

Я привыкла прятаться и не привлекать к себе внимания, чтобы не быть узнанной. Привыкла жить тихо и осторожно, как мышь в камышах – юркая, маленькая, незаметная. Так полагается воспитаннице приюта Илоне Гварди.

И я никогда не пыталась занять положение, подобающее Астер Гайнори, герцогине Сампрэ. Лишь по ночам робко мечтала отомстить за родителей и обрести свое настоящее имя.

Стану Великой и спрячусь лучше, чем когда-либо. Никто не пойдет против Великой. Более того, оказавшись на самом верху, там, где придворные маги и политики, однажды я смогу отомстить за свою семью и восстановить справедливость.

На этот раз мир перевернулся по-настоящему. В голове пульсировало: «Я – Астер Гайнори». И возможно, я стану Великой. Я обязана использовать свой шанс. Нужно только пройти все испытания и приручить это чудовище – нашего ректора.

Перевернутый мир был непривычным, мне придется стать в нем другой. А может, просто стать собой?

– О-о! – услышала я смешок ректора и словно спустилась с небес. – Похоже, мои слова упали на благодатную почву. Я не ошибся, в водной мышке все же прячутся большие амбиции.

Я не обиделась на «водную мышку». Потому что, глядя из нового мира на себя прежнюю, видела именно такую мышь.

Глава 13

Двадцать пять лет назад

Я долго бежала в глубь леса. Было темно, я спотыкалась, но пока ни разу не упала. Не знала, куда бегу, знала лишь, что должна спрятаться. Мама с папой и Таунсен хотели этого.

В левом боку болело, я задыхалась, ноги ослабели. Но я бежала, лишь темные стволы деревьев мелькали передо мной в лунном свете.

Споткнулась и рухнула на землю. То ли потеряла сознание, то ли заснула. Детский организм не мог больше переносить эту страшную гонку. Иногда я приходила в себя, тогда мне слышались шорохи, виделись какие-то огни, чувствовался запах гари.

Очнулась (или проснулась) от собственного плача. Я лежала на холодной земле и сотрясалась от рыданий. Должно быть, тогда, ребенком, я рыдала во сне, зная, что днем на слезы не будет времени.

Села на земле, принялась вытирать лицо. Было раннее утро. Холодно. А еще ужасно хотелось пить. Я огляделась. На траве блестела роса. Я попробовала собирать ее в руку и слизывать с ладони, но это были лишь жалкие крохи!

«Ты маг, Астер, – вспомнились слова мамы. – Когда-нибудь ты сможешь владеть всеми стихиями. Но твоя основная, родная стихия – вода. Когда тебе плохо, обращай к ней».

Я сорвала большой лист с чуть загнутыми краями, подставила его под куст, усыпанный блестящими каплями. Другой рукой поводила над ним. Росинки покатались по листикам, начали сливаться, превратились в струйки. Струйки падали прямо в мой лист.

Получилось, обрадовалась я! Когда лист стал похож на чашу, полную воды, я выпила ее. Протянула руку в другое место и снова велела капелькам течь в лист. Я так увлеклась этим, что не расслышала мягкого стука копыт и шуршания.

А когда заметила, было поздно. Я сидела с вытянутой рукой, в нее катились капли и струйки, а из-за кустов выехали два всадника. Я застыла, сердце громко забилось. «Меня нашли, это конец!»

Оба всадника были в брюках, кафтанах и шляпах на головах. Один – черноволосый большой мужчина с пышными усами. Второй был намного меньше и стройнее, я с удивлением заметила под кафтаном небольшие бугорки, выдающие в нем женщину. Лицо у нее было милое и простое.

Я смотрела на всадников, они – на меня. А струйки текли и текли, уже начали переливаться из ладони и падать на землю...

– Ты посмотри! Ребенок! – вдруг произнесла женщина. – Какая хорошенькая девочка! Грязная только!

– Странная девочка, – задумчиво произнес мужчина, спешил и пошел ко мне. Девушка тоже соскочила с лошади и приблизилась. Они нависли надо мной. – Посмотри, что она

делает. Она – маг, – сказал мужчина, указав на мою руку. Говорил он так, словно они разглядывали животное в зверинце. Стало неприятно. Наверное, это и заставило меня собраться всю свою смелость.

Я быстро выпила воду, что собралась в листе, – вдруг сейчас меня убьют, а я так и не утолю жажды, нахмурилась, поднялась на ноги и грозно встала перед ними. Я буду сражаться. Магией.

Не знаю только, как именно.

А двое надо мной рассмеялись. В их смехе не было злости. Вообще ничего обидного не было. Мне немного полегчало. Все же дети легко верят в доброту взрослых.

– Смотри, платье у нее не бедное, – сказала девушка. – Видимо, она из замка. Что будем с ней делать?

– А что с ней делать? – насупился мужчина. – Сначала узнаем, кто она такая. Говорят, в замке всех перебили. Всех приспешников опального герцога и всю его семью. И все сожгли. А она спаслась.

Я сжала губы, чтобы не заплакать или не закричать. «Всех приспешников опального герцога и всю его семью...» – эта фраза навсегда отпечаталась у меня в голове. Но я сообразила, что если «всю его семью», то, значит, все думают, что и я – дочь герцога Сампрэ – погибла.

– Ты оттуда пришла, маленькая? – мужчина наклонился ко мне, заглянул в лицо, а тон голоса сделал мягким, сюсюкающим. – Убежала, когда все началось?

Я точно знала, что нельзя говорить всю правду. Но и придумывать сказочную историю тоже нельзя.

– Да, – ответила я. – А вы кто?

Мои мама с папой умерли, значит, вообще-то я здесь главная. Этот лес, поля и все вокруг – мое. Но об этом нельзя говорить никому.

– Мы? – Мужчина распрямился и сделал лицо грозным. – А тебе можно доверять? Ты маг, хоть и маленькая девочка. Сначала скажи, кто ты.

– Да что ты ее пугаешь! – Женщина сделала шаг ко мне, присела и обняла одной рукой. Другой достала из кармана платок и принялась стирать с моего лица грязь. А мне захотелось прижаться к ее груди и заплакать. Позднее я часто плакала на этой груди.

– Я Алиска, – ласково сказала она. – А это Ганс. Мы муж и жена, едем по своим делам. Нас не нужно бояться.

– Зря ты ей это обещаешь! – сказал мужчина с досадой, но опять без настоящей злости. – Так кто ты, малявка?

– Меня зовут... Илона... Гварди, – ответила я. Имя Илона мне не нравилось. Но Таунсен хотел, чтобы я называла себя так. Новое имя само сорвалось с губ.

– А кто твои родители? – спросил Ганс добродушнее.

– Моя мама – служанка в замке... – сказала я, как велел Таунсен.

– А отец? – мягко спросила Алиска. Она закончила вытирать грязь с моего лица и принялась приглаживать растре-

панные волосы да поправлять ленты на моем платье.

– Я... я... не знаю! – вырвалось у меня. Больше Таунсен ничего не велел говорить, поэтому я не знала, что ответить.

– Не знаешь?! – удивился Ганс и вперился в меня взглядом. Я чуть не заплакала. Сейчас они догадаются, кто я, и отдадут тем плохим, кто напал на замок. Я задрожала, Алиска сильнее прижала меня к себе. Тут же стало спокойнее. По крайней мере, этой доброй женщине я нравлюсь, может, она не отдаст меня своему мужу?

Я отрицательно покачала головой в ответ на вопрос Ганса. А Алиска прикрикнула на него:

– А ну перестань пугать ребенка! У нее мама в замке погибла, а ты допрашиваешь!

Ганс задумчиво поглядел на меня. Потом вдруг улыбнулся.

– Ну понятно! Знаешь, Алис, кто это? Она бастард какого-нибудь мага из приближенных герцога. Иначе откуда у простой служанки дочь-маг? Вот девочка и не знает, кто ее отец, она незаконнорожденная. Мать ее одна растила. Жалко ее, конечно. Погибнет в лесу. Или попадется плохим людям. Отвезем ее до деревни подальше отсюда. Выпустим. Люди подберут и отдадут в приют.

– Да нет же, Ганс! – Алиска вскочила на ноги и встала перед ним. – Давай возьмем ее себе! Пусть будет нашей доченькой!

А мне подумалось, что с Алиской намного лучше, чем од-

ной.

– Я буду вам помогать, – неожиданно для самой себя сказала я. – Я умею много разного.

Ганс переводил взгляд с меня на Алиску и обратно. Впоследствии я узнала, что у Ганса и Алиски была дочка. Она умерла примерно в моем возрасте несколько лет назад. С тех пор других детей у них не рождалось. Тогда же они разорились и начали странствовать по стране. Алиска сильно переживала смерть дочери и все мечтала о другом ребенке.

Гансу сложно было отказать любимой жене...

– Ладно, давай попробуем. По крайней мере, пока возьмем ее с собой, – заключил он. Подошел и поднял меня на руки. – Будешь пока нашей дочкой, поняла? Всем так и говори!

Это «пока» затянулось на пять лет. Я стала приемной дочерью Ганса и Алиски. Они были добрыми людьми. Алиска оказалась заботливой приемной матерью. А с Гансом мы часто веселились. Он умел шутить, изображать разных людей – добрых, злых, пиратов, колдунов...

Но они были ворами и мошенниками. Я действительно помогала им: наводила полог невидимости, чтобы Ганс мог незаметно украсть лошадь. Никогда раньше не делала подобного, но видела, как отец тренировал своих магов, и у меня получалось повторить. Обливала водой преследователей, если за нами кто-нибудь гнался.

Воровать мне не нравилось. Мои настоящие мама и папа

говорили, что это плохо. Поэтому я радовалась, когда Гансу удавалось выгодно продать драгоценности и мы несколько месяцев жили без дела. Я спрашивала, почему они не займутся чем-нибудь другим. Они отвечали, что это стало их ремеслом, что так им интереснее жить.

Прошло пять лет. Я почти ничему не училась. Алиска лишь иногда заставляла меня читать книги – у нее их было несколько – и писать, «чтобы девочка не выросла безграмотной». Ганс научил играть на дудочке. И все.

Но мои магические навыки росли. Узнать технику магии мне было негде, но силы было столько, что иногда хватало просто захотеть и направить ее в нужное русло. Вот и стала я магом-самоучкой. Потом, много позже, поняла, что я была опасна для общества. Маленькая сильная магичка, не умеющая толком управлять своей силой.

Когда мне должно было исполниться десять, Ганс заболел, у него воспалились почки. Мы больше не могли странствовать втроем, прибились к шайке разбойников в лесу на границе. Здесь Ганс мог лечиться, он почти поправился, когда произошло то, что снова изменило мою жизнь.

Я умела направлять течение реки так, что рыба шла прямо в руки, поэтому часто рыбачила для общины. В один из таких дней я долго сидела на берегу. А когда вернулась, на месте общины – домиков на деревьях и небольших хижин – было пепелище и гора трупов.

Ганс и Алиска тоже погибли.

Королевская гвардия проводила рейд по лесам, чтобы зачистить их от разбойников. Жители нашей общины не сдавались без боя, поэтому их убили.

Узнала я это позже. Тогда же я просто сидела у трупа Алиски, плакала и думала, что мне делать.

Так я стала сиротой во второй раз.

В десять лет я была умнее и уже понимала, что мне не выжить одной в лесу, но и среди людей опасно. А еще знала, что нельзя говорить правду ни о своем истинном происхождении, ни о том, что я «дочь» убитых разбойников.

Решить свою судьбу я не успела. Капитан гвардейцев, потерявший в разбойничьем лагере медальон, вернулся туда. Мне опять повезло. Он оказался незлым человеком. Понимая, что я уцелевшая дочь кого-то из разбойников, он не стал особенно расспрашивать. Просто отвез в приют в ближайшем городе, сказал, что девочка – дочь неизвестных погибших родителей и ничего не помнит.

Вопросов в приюте мне не задавали. Лишь сказали, что делать и чему учиться. Позднее директриса обнаружила мой магический талант и велела посещать занятия по магии. Она научила меня многому. Показала, как контролировать силу, подсказала, что магия – единственный мой козырь в жизни. И она написала жалкое рекомендательное письмо в академию...

Глава 14

После разговора с Гератом у меня появилась цель. Та цель, которую я всегда боялась перед собой поставить. Конечно, не именно стать Великой, хоть я была уверена, что смогу сделать много для академии на этой должности. Но не это в первую очередь.

Оказаться наверху, среди сильных мира сего, появляться при дворе, и для начала узнать, кто убил моих настоящих родителей. Я знала главного виновника. Потому что знала, с кем переписывался отец, чьи послания он порой в гневе рвал и бросал в камин.

Этим виновником был король Статир.

Но, кроме него, были и те, кто пришел к воротам нашего замка. Этой армией кто-то командовал. Вот их имен я не знала.

Историческая справка о смерти герцога Сампрэ гласила: «Опальный герцог Сампрэ заперся в своем замке и отказывался склонить голову перед волей короля. Тогда по приказу короля магическая армия атаковала преступного герцога. Он и его маги оказали сопротивление. Во время битвы погиб сам герцог Сампрэ. Но из-за жестокого сопротивления осажденных случайно погибла и его семья – жена Клаудия Гайнори (в девичестве Таури) и дочь Астер. Его величество скорбел об этих жертвах. Так опальный маг, не смирившись

с волей самодержца, стал виновен в смерти своих близких и многих невинных людей – своих слуг и гвардейцев».

Это были лживые строчки. Ведь это было магическое мессиво, целью которого было уничтожить всех в замке. Ведь каждый из нас мог обладать тем, чего боялся король. Меня бы тоже не пощадили.

В детстве я не до конца понимала причины гибели семьи. Обсудить было не с кем – я знала, что должна хранить секрет. Но постоянно думала об этом. Слушала, что говорят люди, смерть семьи Сампрэ обсуждали несколько лет. Вспоминала, о чем говорили отец и мать.

К четырнадцати годам мне удалось воссоздать полную картину. Тогда я осознала, что я – большая опасность для короля. Поэтому должна прятаться, чтобы он меня не убил.

Только вот сердце всегда хотело другого. Сердце хотело отомстить. Сразиться с королем и победить, как рыцарь из сказок. Или поднять восстание именем своего рода и повести на королевскую резиденцию армию.

На это мало шансов. Но став Великой, я придумаю другой способ. Более тонкий, более изощренный. Не люблю интриги, но мне пришлось умалчивать и скрываться всю жизнь. Придется играть и дальше. Просто на другом уровне.

Впереди появилась надежда, она вливалась в мои вены, заставляла кровь бежать увереннее. Лишь две маленькие, но едкие занозы маячили в сознании. Первое: никто не обещал мне победы в конкурсе. И второе: к должности Великой при-

лагается ректор. Совместная жизнь с ним и постель.

Нет, он не противен мне как мужчина! Он умный, статный, красивый, он сумел разбудить во мне уснувшие мечты. В другой ситуации, будь я настоящей герцогиней и встретиться мы где-нибудь на приеме, он привлек бы мое внимание. Но его характер! Наши предыдущие встречи доказывали, что в нем нет душевности и добродушия.

К тому же, став Великой, я окажусь привязана к ректору. Не смогу выйти замуж по любви, ведь брак на стороне для Великого магистра и его Великой запрещен. Можно заводить любовников, даже иметь постоянные связи или родить ребенка от кого хочешь. Но нельзя постоянно жить с другим. Связь магистра и Великой должна подкрепляться совместной жизнью. Подумаю об этом позже, если победа будет близка, решила я и открыла дверь в свою комнату.

И кстати, есть смысл больше узнать о нашем ректоре. В отличие от других конкурсанток, у меня есть тайное оружие – мэтр Соло.

Утром я наскоро привела себя в порядок и побежала к мэтру поговорить с ним перед лекцией. Нашла его в кабинете. Мэтр перебирал какие-то бумаги и задумчиво крутил прядь на бороде.

– О! – обрадовался он. – Ну как? Я волновался, что вы с Гератом опять повздорите.

– Кто я такая, чтобы вздорить с Великим магистром? – улыбнулась я и устроилась на стуле возле стола. – Мы дого-

ворились. Спасибо вам! Я пойду на отбор. Знаете, мэтр Соло, я решила, что стать Великой не самая дурная идея. Поэтому помогите мне, пожалуйста!

– Как? Я не могу влиять на результаты испытания, милая Илона. Все зависит от тебя, – наигранно удивился он.

– Расскажите мне о его прошлом. Чей он сын, как попал в академию, как стал ректором? Хотя бы это.

Соло рассмеялся:

– Исторических книг тебе мало?

– Разумеется. Исторические книги доступны любой курсантке. А мне доступно мнение его учителя.

– Только тебе, кстати, – улыбнулся мэтр. – Хорошо, моя девочка.

Мэтр откинулся в кресле и с веселыми искрами в глазах смотрел на меня.

– Наш Герат... – сказал он. – Это, кстати, и в книгах написано – сын небогатых дворян из южной провинции. Они были несильными магами и вели дела в юридической сфере. А вот сынок родился куда более одаренным, еще и стихийником, что редкость для нестихийных семей. Впрочем, ему прочили карьеру юриста с начальными магическими навыками. Отец настаивал. Герат даже был готов временно следовать воле отца, ведь у магов длинная жизнь, по его словам, он всегда понимал, что успеет все. Мечтал же он только о магии. Но все сложилось не так благополучно. Когда Герату было семнадцать, дела у семьи пошли плохо, они разорились

– у них остался лишь дом. Даже слуг пришлось уволить. А потом в южной провинции разразилась эпидемия проклятого пламени. Я помню, что это был... ад, истинный ад. Лихорадка не лечилась даже магией. Внутреннее пламя сжигало всех, кроме огненных магов. Герат, защищенный своей стихией, видел, как умирали его родители. Он заложил дом, чтобы оплатить услуги медиков, но все было бесполезно. Сам ухаживал за ними, пока они сгорали. А потом парень остался в заложенном доме с двумя трупами.

– Ничего себе! – потрясенно прошептала я. Получается, у ректора в прошлом трагедия. Как и у меня.

– Да уж, – печально усмехнулся Соло. – Но сильный был мальчик, выдержал. Денег от залога дома хватило чтобы лишь расплатиться с медиками и похоронить родителей. И Герат оказался на улице – пока не выплатит кредитору всю сумму, его собственность принадлежала ростовщику. Он больше не видел смысла оставаться там. Отправился в столицу, чтобы исполнить свою мечту. Целеустремленный был очень. Зимой, когда он пришел, приема в академию не было. Но он заявился в деканат огненного факультета и просил взять его кем угодно – слугой, лаборантом, рассыльным. Ему отказали. Тут-то я и встретил в коридоре высокого хмурого парня, который стоял у стены и вдруг ударил в нее кулаком. Ну ты меня знаешь, Илоночка. Как вижу молодые дарования – не могу пройти мимо. Я взял его к себе лаборантом. До самой осени Герат подносил мне колбы, записывал

данные, драил полы – вот прямо тут, в этих помещениях. Ни от чего не отказывался. Ну и учился, как мог, хоть общая магия, конечно, не его профиль.

– Выходит, вы и ему помогли! – изумилась я. – Почему же вы никогда об этом не рассказывали?

– А ты никогда не спрашивала. Ты ж его ненавидела.

– А что было потом?

– А потом Герат поступил на огненный факультет – на стипендию, как ты. Платить-то ему было нечем. Учился отлично. Он все делал отлично, и прямо-таки горел магией. Другей у него не то чтобы не было. Но ты знаешь, сколько на огненном сынков аристократов с большими деньгами. Они Герата не принимали. Вот и завелись у него два друга – парни из самых низов, чудом попавшие на стипендию. Оба зашуганные, а Герат никогда в стороне не стоял. Защищал их и себя от нападок богатеньких. Да и знаешь, хоть титула никакого у него сроду не было, всегда имел такую благородную статью. На такого кинешься – и сгоришь, хоть он и бровью не поведет. Огонь внутри и устойчивость снаружи. Не знаю уж, как он такой уродился, – улыбнулся мэтр Соло. А я подумала, не занимается ли мэтр сводничеством. Похоже, рассказывает мне о ректоре самое хорошее, то, что мне может понравиться. – После окончания Герат пошел в армию – там огненных всегда принимают с распростертыми объятиями. Всего на два года, но успел стать капитаном.

– То есть он и в боях участвовал? – с интересом спросила

я. Мне представился статный, уверенный в себе ректор посреди поля боя, где все горит и гремит. То он стоит, как скала, со сложенными на груди руками. А то воздевает руки, и на противника обрушиваются огненные лавины. Знала, что на самом деле там все происходит не совсем так. Но картинка была яркая. И какая-то просто восхитительная!

– Тогда совсем немного участвовал. Позже, когда была война с Градом, а он уже стал ректором, от академии выделили полк, которым руководил Герат. Вот тогда он повоевал достаточно. Так вот, через два года Герат вернулся в академию на свою кафедру. И очень быстро стал старшим преподавателем.

– А потом? – жадно спросила я. – Как он стал ректором? Почему пошел на отбор?

– Ну-у... Герат, когда приходил ко мне пообщаться, часто говорил, что административная работа ему милее науки и преподавания. Да и власти ему хотелось. Вернее, статуса. Сам пробивался, вот и хотел, видимо, доказать самому себе что-то. Когда умер ректор Гайборо, Касадра не ушла с должности, а объявила отбор, хоть была уже немолода. Но триста лет назад она не была старухой, и характер у нее был лучше. Это была очень красивая брюнетка с величественным лицом. В нее ведь пол-академии было влюблено, как сейчас в Герата, – усмехнулся Соло. – На похоронах ректора Гайборо, когда она стояла на постаменте, Герат был рядом со мной. Помню, он стоял такой весь прямой и задумчиво смотрел

на нее. И вдруг говорит: «Она будет моей». И пошел на отбор. Уж не знаю, чего тут было больше – желания получить должность или действительно влюбился в Касадру. Ну и победил в отборе с огромным перевесом над всеми. Академия и двор гудели, что молодой преподаватель сделал головокружительную карьеру, обогнав всех соперников за несколько дней. Это при том, что у Касадры был другой фаворит на отборе.

– Ничего себе! – изумилась я. – То есть Касадра ему нравилась? Он не только ради должности пошел на отбор?

– Я тебе, Илоночка, рассказал все, что знаю. Думаешь, он делился со мной подробностями, почему пошел на отбор или как они с Касадрой живут? Нет. Герат никогда про женщин не распространялся, хоть я знаю, что у него их было как травы в поле.

«Вот ведь!» – подумала я. Не сомневалась, что у Герата огромный опыт отношений. Уж за четыреста лет жизни у неженатого мага только такой и может быть. Но услышать это было немного болезненно, словно маленькая иголочка кольнула меня. Вот стану Великой и окажусь неопытной и наивной девочкой рядом с умудренным ректором.

– А когда она стала старухой, как он с ней... э... общался? – спросила я о том, что подспудно волновало. Мысль, что ректор много лет спал со старухой, вызывала чувство гадливости. На этом фоне его стремление быстро выбрать молодую напарницу выглядело особенно пошлым.

– Я-то откуда знаю? – с улыбкой пожал плечами Соло. – Я видел лишь, что их отношения были разными за это время. А в последние лет тридцать – сорок, Герат стал менее сдержанным, словно его что-то изнутри мучает. Более раздражительным, чем обычно. Другого объяснения я не нахожу, кроме как что у него совсем разладилось с Касадрой. Или просто опротивела она ему сверх меры. Ведь в остальном-то у него все хорошо. Ректор из него отличный вышел. Для академии сделал много, и при дворе он прославился, когда работал главным придворным магом.

– Понятно, – задумчиво сказала я. Поглядела на часы – нужно было спешить на лекцию. Поцеловала старого мэтра в щечку. – Спасибо огромное, дорогой мой мэтр Соло! Вы мне очень помогли!

Да, он помог, но и дал повод для новых размышлений.

Глава 15

Весь день я читала лекции, проводила практические занятия и думала о нашем ректоре. Получается, у него интересная и непростая судьба. Большой удар в юности и потом стремительный взлет. Причем он всего достиг сам.

К тому же он вырос в моих глазах как мужчина. По-прежнему было неприятно вспоминать его жесткий тон и строгость. Но это «она будет моей» и стремительная победа в отборе придавали ему мужественности и трогали мое сердце. В глубине души многие женщины мечтают, чтобы кто-то сказал так про них и приложил все усилия, чтобы добиться своего. Мы, женщины, любим, чтобы нас добивались.

Это меня никто не добивается, пронеслось в голове. Даже Кристан со вчерашнего дня. Думать о Кристане оказалось неожиданно больно. Весь день я ждала, что он по-дружески зайдет узнать, чем закончился визит к ректору. Но Кристана не было.

Не пришел он и вечером, когда я сидела в своей комнате и снова начала волноваться о ментальной проверке. А как не волноваться? Ректор обещал помочь. Но как именно он это сделает? Вдруг это пустое обещание и он тут не властен.

Я отгоняла эту мысль, говорила себе: каким бы ни был Герат, он человек слова.

Я уже собиралась лечь спать. Ранним утром все, пригла-

шенные на отбор, вместо обычной работы должны явиться на проверку. День предстоит сложный, нужно выспаться. Но вдруг в дверь постучали, и она издала переливчатый звук.

Я открыла, подумав, что это Кристан. Но на пороге стоял молодой мужчина из администрации. В руках у него была большая коробка.

– Добрый вечер, вы ошиблись, я ничего не заказывала.

– Добрый вечер! – вежливо ответил он. – Давайте проверим. Вы ведь Илона Гварди, младший преподаватель кафедры пресноводной магии?

– Совершенно верно.

– Тогда это для вас. Посылка от ректора Ванирро.

– Посылка? – изумилась я и отступила в сторону, чтобы мужчина смог войти и поставить коробку.

– Да, тарра Гварди, – улыбнулся он. – Таросси ректор просил передать, что, если потребуется, инструкция по использованию в коробке.

Я растерянно поблагодарила его и закрыла дверь.

Что там? И главное – зачем? А в груди растеклось радостное предвкушение, как у ребенка, которому неожиданно принесли подарок. Только этого не хватало! Так могут оправдаться пущенные кем-то слухи, что «ректор шлет Гварди дорогие подарки».

Подарок действительно оказался дорогим. В коробке я обнаружила вытянутый шар, похожий на аквариум, с серебристыми вспышками и водоворотами внутри. Портативный те-

телепорт. Устройство, которым пользовались лишь самые состоятельные люди или официальные учреждения.

Нужно вернуть, подумала я. Или это обидит его? Ладно, сначала прочитаю письмо. Из коробки вывалились две бумажки – одна сложенная вдвое с огненными вензелями, явно письмо от Герата, другая – инструкция.

Я развернула письмо.

В следующий раз, когда решите написать мне прошение, воспользуйтесь этим», – я прямо-таки воочию увидела лукавую усмешку ректора. Дальше: Р. S. Завтра опоздайте на проверку примерно на полчаса. Р.Р. S. Не вздумайте вернуть телепорт, карать буду безжалостно.

Мне представилась еще одна его усмешка.

Инструкция не понадобилась, я умела пользоваться телепортом. На одном из курсов по общей магии мы знакомились с ними.

Я взяла бумагу и написала: «Благодарю за подарок», кинула ее в «аквариум» и поводила рукой у основания. На нем закружились варианты, куда можно отправить послание. Я выбрала «Академия», дальше «Ректорская», покрутила еще, предлагалось: «Приемная ректора», «Старший проректор», «Личный кабинет ректора». Хм... Мне послать на «личный кабинет ректора»? Пока я думала, на крышке вдруг высветились крупные красные буквы: «Личный телепорт Герата Ванирро».

Хорошо, додумался указать, куда слать сообщения. Я бросила в надпись небольшой сгусток силы. Молнии в «аквариуме» взбесились, закрутили бумажку, и вскоре она исчезла.

Не прошло и двух минут, как появилось новое письмо. «Не забудьте опоздать», – гласило оно. Ну хорошо, подумала я. Опоздать несложно. Более того, это возможность поспать лишние полчаса.

Когда я раздевалась, мылась, укладывалась, то улыбалась до ушей. Выходка ректора с телепортом была неожиданной и приятной. Он нее внутри растекалось непривычное сладкое чувство.

Утром в дверь постучалась Тэя. На всякий случай я накрыла покрывалом телепорт, чтобы не привлекал внимания, и открыла.

Лицо у Тэи было взволнованное:

– Илошка, ты простишь нас? – спросила она, чуть не плача.

– Да за что? – улыбнулась я, взглянув на часы. Я еще толком не оделась и не подготовилась. Заболтаться с Тэей, а потом приводить себя в порядок – хороший способ опоздать на проверку.

– Мы совсем тебя забросили! Даже не спросили, как ты ходила к ректору!

– Да нормально все, – я приобняла подругу и завела в комнату. – Хорошо ходила. Решила участвовать в отборе.

– Правда? – глаза Тэи засветились искренней радостью.

Не все такие, как Ларисса. Тэя – настоящий друг, и ей не нужен отбор, ведь она помолвлена с Виктором. Им осталось дожидаться разрешения на «объединение стихий в браке». Кстати, от Тэи исходил легкий аромат мужских стихий. Значит, ночью она была близка с женихом. При сексе двух стихийников происходит обмен силой, несколько часов после этого каждый из них владеет двумя стихиями противоположного пола дополнительно к своим. При постоянной связи, как у ректора и Великой, или в браке стихийных постепенно пропитываешься стихиями другого пола и обретаешь власть над всеми. Для этого ректору и нужна Великая.

– Правда?! – звонко повторила Тэя. – То есть вдруг у нас будет водная Великая?! Говорят, такого не было полторы тысячи лет! Слушай, ну, в общем хорошо, что ты не сердишься. Просто мы все вчера были с Кристаном.

– Что с ним?! – испугалась я.

– Понимаешь, – она вдруг решительно подняла на меня взгляд и начала быстро говорить, словно убрали запруду и бойкая речка побежала по камешкам с горы. – Илон, ну ты ж не слепая! Ты знаешь, что он к тебе неравнодушен! Когда тебя вызвали к ректору, он просто обезумел. Мы едва удержали его, чтобы за тобой не побежал. А потом Кристан выпил. Ну и... знаешь, есть такая водная лаборантка с кафедры бытовой водной магии? Маленькая, рыженькая. Вилесса. Она как давай вешаться на него. Ну он и ушел с ней.

– Я знаю! – ляпнула я.

О господи! Ну что же такое! Всю жизнь храню секреты, а тут так по-дурацки проговорилась. Но сказала «а», нужно говорить и «б».

– Знаешь? – изумилась Тэя.

– Да. Позавчера я решила зайти к Кристану, посоветоваться с ним после разговора с ректором, и видела их возле комнаты.

– Ну хорошо тогда, – Тэя облегченно вздохнула. – Короче, эта малышка здорово его утешила. И он посреди ночи сделал ей предложение. А она согласилась. Проснулся Кристан, а рядом с ним невеста щебечет, мечтает, как они будут жить. Он пытался все к шутке свести, но девушка то ли не понимает, то ли делает вид, что не понимает. А Кристан – он же маг слова. Сказал женюсь – надо жениться. Когда он кое-как от нее отвязался, пришел к нам. Мы весь день его успокаивали и думали, что делать. Он все повторяет, что честь велит ему жениться. Но тогда он умрет, потому что ты для него будешь потеряна. Ну а позвать тебя было как-то некстати.

– Ну и ну! – растерянно прошептала я.

Бедный Кристан! Это надо же так вляпаться. Захотелось побежать к нему, обнять и вместе придумать выход из положения. Но другого выхода, кроме как сказать девушке все честно, я не видела.

– А прямо он ей сказал, что это ошибка, и жениться он не будет? – спросила я.

– Неизвестно. Он собирался вечером. Но вечером она

пришла, и они оба пропали. С тех пор я ничего о нем не знаю. В общем, такие дела, Илошка... Ой! – Тэя посмотрела на часы. – Прости! Я и забыла, у тебя сегодня ментальная, ты же торопишься!

– Нет... – я поймала Тэю за рукав. – Давай еще поговорим и попьем чай.

– Хорошо, – Тэя улыбнулась и устроилась на стуле. Поболтать она всегда рада.

Глава 16

Когда я влетела в зал, опаздывала уже не на полчаса, а на три четверти часа. Сколько в точности будет девушек, я не знала, в тот момент показалось, что на меня посмотрели не менее тридцати пар глаз. Послышалось шушуканье. Я с громко бьющимся сердцем огляделась, куда бы присесть.

В большом зале вдоль стен по кругу стояли кресла, в которых сидели девушки. Слева располагалась неприметная дверь, за ней были Герат и комиссия с ментального факультета. У двери стоял молодой менталист со значком на рукаве в виде двух глаз в обрамлении ресниц. В руках у него была папка, на которой лежал исписанный лист бумаги. Вероятно, он отмечал пришедших претенденток.

Увидев меня, он поспешил ко входу.

– Не иначе, Илона Гварди с водного факультета?! – с ноткой возмущения сказал он.

– Да, это я. Приношу свои извинения за опоздание.

Шушуканье девиц за спиной усилилось. Видимо, им было интересно, что скажет опоздавшая нахалка, о которой и так уже ходят слухи.

Молодой менталист пожал плечами:

– Извиняться придется перед комиссией, если их заинтересует факт вашего опоздания. Мне-то что! Но помочь ничем не могу, вы будете последней в очереди. Тридцать вто-

рой. Вероятно, придется провести здесь весь день, – чуть ехидно закончил он.

Ага, подумала я, опоздать было нужно, чтобы оказаться одной из последних в списке. Видимо, в самом конце Герату будет легче спасти меня от копания в голове.

Я кивнула и еще раз оглядела зал, чтоб понять, куда сесть. Взгляд выперил Лариссу. С двух сторон она была окружена воздушными: знойной брюнеткой в белом платье и миловидной блондинкой в голубом. Заметив мой взгляд, она сдержанно кивнула и принялась нашептывать что-то на ухо блондинистой соседке. Та в ответ захихикала. Мне показалось, что шепчутся они обо мне.

Я и не хотела сидеть рядом с Лариссой. Судя по всему, слухи распространяла именно она. Свободное место обнаружилось ближе к выходу в коридор, возле двух воздушных приятной наружности. Я направилась туда, когда меня окликнул едва знакомый голос.

– Илона, иди сюда!

Это была Керра Ти, третья из водных, приглашенных на отбор. Младший преподаватель и научный сотрудник кафедры водных монстров. Темноволосая, бледная, некоторые называли бы ее красавицей. А еще считалось, что у Керры стержневой характер, как у большинства сотрудников этой кафедры. С чудищами же работают. Но сейчас она была единственной, кто открыто позвал меня сесть рядом.

– Благодарю! – громко ответила я и, не глядя по сторонам,

прошествовала к Керре. Послышалась новая порция шепотов.

Рядом с Керрой сидела светловолосая воздушная с правильными чертами лица. Крупная высокая девушка с королевской осанкой. А третье кресло было свободно.

– Присаживайся, Илона, – доброжелательно сказала Керра. – Илона, это Сара Бейль с кафедры воздушной физкультуры. Сара, это Илона Гварди с кафедры пресноводной магии.

– Очень рада, – кивнула мне Сара и протянула руку.

– Я тоже, – ответила я. Пожатие у Сары оказалось неожиданно крепким для воздушной.

– Не ожидала, что у меня есть хватка? – рассмеялась Сара. А я заметила, что все девушки молчат и смотрят на нашу группку из трех человек.

Сделаю вид, что мне вообще наплевать на их взгляды.

– Признаюсь, и верно не ожидала, – улыбнулась я Саре.

– Это потому, что я физкультурница, – заговорщицки наклонилась ко мне Сара.

Я обрадовалась беседе на отвлеченные темы, и мы с Керрой и Сарой принялись обсуждать, как прошло прощание с Касадрой, кто как провел прошедшие летние каникулы, кто что пил на торжественном обеде позавчера. Правда, вскоре я узнала одну неприятную вещь. Керра была десятой в списке на проверку, Сара – семнадцатой.

Из двери в аудиторию вышла первая претендентка – блед-

ная хрупкая девушка. По ее щекам текли слезы.

– Неужели тебя не взяли? – раздалось со всех сторон.

– Нет, меня взяли! – девушка вытерла слезы, улыбнулась и опустилась в кресло отдохнуть. – Просто это очень страшно! Они спрашивают то, о чем не хочется помнить.

Мы услышали, как менталист у двери произнес следующее имя:

– Дарна Квитто с кафедры бытовой воздушной магии, прошу проследовать и предстать перед комиссией!

Высокая и статная Дарна поднялась и под всеобщими взглядами проследовала в аудиторию. Когда она вышла спустя четверть часа, то не плакала. Но лицо ее было перекошено от злобы.

– Ну что?! – раздалось в зале.

Дарна встала в центре.

– Я допущена к отбору, – величественно произнесла она. – Магистр Герат даже произнес: «Добро пожаловать на отбор, тарра Квитто!» Но... это пытка какая-то!

После этих двух эпизодов стало ясно, что проверка была серьезным испытанием. Похоже, комиссия пробуждала в претендентках отрицательные эмоции, характерные лично для этой девушки. Дальше, вероятно, смотрели, что это за эмоции или как она с ними справится.

Пока что из отбора никто не вылетел. Но всем стало тревожно.

Дальше время тянулось долго, мучительно и напряжен-

но. Девушки заходили одна за другой по списку. Выходили в разном состоянии. Десятой пошла Керра, приосанилась и величественно проследовала на комиссию.

Вышла спокойная и успела шепнуть нам, что «ничего страшного, если ты не истеричка», и ушла. Мы с Сарой остались вдвоем посреди не самых доброжелательных взглядов.

В середине дня привезли большие столы, уставленные блюдами и напитками. Конкурсантки, как рой голодных пчел, налетели на еду. После обеда, который отвезли и членам комиссии, проверка пошла чуть быстрее. Но все равно мы все устали сидеть и ждать. Пара воздушных девиц обессиленно откинулась в креслах и создавала потоки воздуха, чтобы освежить себя и соседей.

Двух девушек отчислили с отбора. Обе вышли с запавшими глазами, объяснять причины отказались. Мы так и не узнали, за что их не допустили.

Сара успешно прошла проверку. Подмигнула мне и шутливо сказала на ушко, что, похоже, она понравилась ректору, поэтому мне тут ловить нечего. Но ничего страшного там не происходит.

А потом за окнами стемнело. Нас осталось пятеро. Потом трое. Потом двое – я и воздушная, которую звали Анотта Край. Я ободряюще улыбалась ей, а она нервно ерзала и поглядывала на часы. Было около девяти вечера.

– А вдруг они злые от усталости? – тихонько сказала она.

– Но это не должно сказываться на их объективности, –

подбодрила я ее. Хотя сама уже изнывала. Волнение прибывало, как вода в прилив.

– Надеюсь... – протянула Анотта.

Неожиданно дверь открылась и в зал вышли все: предыдущая конкурсантка, она улыбалась сквозь слезы – явно прошла проверку, два менталиста – пожилой профессор с кафедры определения лжи и дознания и его более молодой коллега с кафедры общей ментальности. И Герат.

У всех под глазами залегли тени.

– Ох, хорошая идея сделать перерыв! Впрочем, осталось всего лишь двое... – произнес пожилой профессор, почесав бороду.

Герат с пониманием посмотрел на него:

– На вас с Квадерием, – видимо, так звали молодого магистра с общей ментальности, – легла основная нагрузка. Мне жаль. Думаю, мне пора поработать в полную силу. Вы можете быть свободны, оставшихся двух девушек я проверю сам при помощи «шара правды». В конечном счете это мой отбор, мне за него и расплачиваться, – усмехнулся он.

– Вы серьезно? – с облегчением произнес магистр Квадерий. Его разве что не шатало.

– Да, Квадерий, отведите старшего коллегу поужинать. Я пришлю за вами, если понадобится помощь.

– Не совсем по уставу, – задумчиво сказал пожилой профессор. – Но я благодарю вас. Это проще, чем вызывать замену в столь поздний час. Кроме того, – он посмотрел на нас

с Аноткой. – Я не вижу в этих измученных девушках ничего подозрительного.

Менталисты вышли из зала, о чем-то переговариваясь. А Герат взял у сидевшего с нами молодого специалиста список.

– Если желаете, вы тоже свободны.

– Благодарю вас, таросси ректор, – он тоже облегченно вздохнул и поплелся к выходу.

Теперь понятно, как именно Герат собирался мне помочь. Мне предстоит разговор с ним наедине. И кто знает, какие вопросы он задаст. Насколько глубоко полезет мне в голову.

Довериться ему целиком?

Глава 17

Никогда в жизни. Пока я не уверена в своей безопасности, ни ректор, ни кто-либо другой не узнают правду обо мне. Я – последняя. А последние не имеют права умирать или ставить себя под удар.

Я судорожно думала, что делать, когда Герат забрал Аноту. Впрочем... А что делать? Только молиться, чтобы Герат не захотел провести полное расследование.

Но кое-что я, пожалуй, могу. Истинных менталистов не будет на моей проверке, а ректор вряд ли обладает очень уж большой ментальной силой. В отличие от них, он может просто не заметить.

Я осторожно прикоснулась к оболочке своей запечатанной силы, как будто сделала надкол. И заставила мою истинную силу тонкой струйкой заструиться в голову, формируя ментальный барьер. Не самый крепкий, чтобы его сложнее было заметить. Разместила его на уровне пяти с половиной лет, на первых эпизодах, где я стала дочерью воровской парочки. Если что, можно подумать, что у меня просто нет более ранних воспоминаний.

Проделав работу, я словно разгладила складку на платье, залатала маленькую дырочку в оболочке своей запечатанной силы.

Как хорошо, что у меня хватило выдержки не сделать это-

го раньше! Кто-то из менталистов или даже из конкурсанток мог бы заметить струю силы и мои действия.

Когда вышла Анотта – вполне спокойная, видимо, ректор «не пытал» ее, – я была почти уверена в себе. Она доброжелательно мне кивнула, мол, все хорошо, я прошла. Я ответила ей улыбкой: а ты боялась...

Но когда девушка вышла, а из аудитории появился Герат и пристально посмотрел на меня, кровь ударила в щеки. Показалось, что своим огненным взглядом он прожег меня насквозь и узнал все.

– Прощу, тарра Илона, – сказал он с легкой усмешкой. – Мы остались вдвоем.

И открыл передо мной дверь в комнату.

На негнущихся ногах я прошла.

Там стоял большой стол, три стула с противоположной стороны, один – с моей. На столе лежал список девушек, почти все имена в котором были помечены галочками и лишь у двух стояли прочерки, и стоял большой голубоватый шар – артефакт «шар правды», используемый для усиления ментальных свойств мага.

– Присаживайтесь, тарра Гварди, – уголком губ улыбнулся Герат, обошел стол и сел по центру. Я села напротив. Вдруг он добавил деловым, но каким-то галантным тоном: – Понимаю, что вы устали. Хотите сока? – не дожидаясь ответа, развернулся, взял с тумбочки графин, два стакана, налил сока себе и мне. Поставил передо мной еще и вазочку с пече-

нѐм. – Выпейте и съешьте. Не хотелось бы, чтоб вы упали в обморок.

– У меня нет такой привычки! – ляпнула я.

– Надеюсь, – усмехнулся ректор, сложил руки на груди и откинулся в кресле, изучая меня темными горящими глазами. – Ешьте, – сказал как отрезал.

Конечно, мне кусок не лез в горло. Но не спорить же с ним по такому малозначительному поводу. Я поблагодарила и с трудом съела два печенья, запивая соком. Все это время он внимательно смотрел на меня, словно уже начал проверять мой разум.

– Вы красиво едите, – сказал вдруг Герат. – Где научились? В приюте или после?

– Это имеет отношение к нашей проверке? – спросила я и отодвинула бокал.

– К нашей проверке что угодно имеет отношение, – опять усмешка. На мгновение Герат показался мне настоящим дознавателем, а шар между нами – орудием пытки. – Итак, – он снова откинулся в кресле, – тарра Илона, я устал. Вы устали. Поэтому, – улыбка краем губ, – у меня нет никакого желания глубоко лезть в ваш разум. Я буду задавать вам вопросы. И от ваших ответов зависит, насколько глубоко я в него погружусь.

– Хорошо, таросси ректор, – сдерживая дрожь, ответила я и добавила: – Вы хотите, чтобы я участвовала в отборе. В ваших интересах, чтобы я прошла проверку.

— С этим не поспоришь, — усмехнулся Герат. — Сейчас я активирую шар. Он не только поможет мне видеть ваши скрытые мотивы, но и будет вести запись разговора на случай, если потребуется проверить результат. Имейте это в виду.

Я внутренне сжалась. А без этого никак? Обещал же помочь!

Герат поставил шар ближе к себе и поводил над ним рукой. В центре родилось перламутровое сияние.

— Итак, тарра Гварди, вначале стандартные вопросы. Вы приглашены на отбор на должность Великой. Для чего вы хотите занять эту должность?

«О господи! — подумалось мне. — И что я должна ответить? Ведь ответить всю правду я не могу».

— Вы знаете, таросси ректор, до последнего времени я, напротив, не желала участвовать в отборе. Но теперь мое мнение изменилось. Я хочу помочь развитию академии, оказавшись на самой высокой из должностей, доступных женщине.

Не знаю, что увидел ректор в шаре или что ощутил сам, но шар мигнул.

— Шар показывает, что ответ неполный. Какие еще мотивы движут вами?

Я крепко сжала подлокотники кресла.

— Хочу повысить свой статус. Для выпускницы приюта это важно. У меня больше амбиций, чем кажется.

Шар никак не среагировал, а Герат неожиданно поощрительно мне улыбнулся.

– Не сомневаюсь, тарра Гварди, – сказал он. – Спасибо за честность. Следующий вопрос. Испытывали ли вы когда-нибудь желание нанести урон академии или лично мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.